
ТАЙНА ГИГИЕИ
Том 1
ЧЕРНЫЙ КРУГ

Кейт Аверс

Тайна Гигиеи. Том 1: Черный Круг

«Автор»
2026

Аверс К.

Тайна Гигиеи. Том 1: Черный Круг / К. Аверс — «Автор», 2026

Сколько пугающих секретов скрывает наш привычный мир? И готовы ли вы узнать, что бессмертие — это не миф, а строго охраняемая тайна?Кэт и Рома невольно попадают в опасную игру против тайной огранизации, владеющей ключом к вечной жизни. Но какую цену придется заплатить за прикосновение к главной тайне человечества?

© Аверс К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 17
Глава 4 21
Глава 5 26
Глава 6 29
Глава 7 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Кейт Аверс
Тайна Гигиеи. Том 1: Черный Круг

Глава 1

Говорят, что утро добрым не бывает. Но если твое утро начинается в одиннадцать часов дня, под тяжелым одеялом из верблюжьей шерсти, а вокруг витает запах хлопка из диффузора, то шансы человечества на выживание резко возрастают. Правда, ровно до тех пор, пока на твою грудную клетку не приземляется восьми килограммовый снаряд из черной шерсти, когтей и абсолютной, ничем неприкрытой наглости.

— Кхм… Марти, имей совесть, ты мне сейчас легкое проткнешь, — прохрипела я, мучительно открывая один глаз. Левый, потому что правый намертво склеился ночным кремом с шерстью, — ну или с тем неопознанным пушистым нечто, что за ночь успело скопиться на моей подушке благодаря Мартышке. Марти даже не моргнула. Над моим лицом, перекрывая слабый свет солнца, так и продолжала висеть суровая, квадратная, бандитская морда мейн-куна.

По паспорту, выданному гомельским питомником, эта тварь божья именовалась благородно: Мортиша или Квирк Матрикс Дом Берлуччи, обладательница родословной до пра-пра-прадедушки, который лично сидел на коленях у какого-то австрийского эрцгерцога. В реальной же, непричесанной жизни это существо имело кучу кличек: Марти, Усатка, Лапка, Мартышка (когда когти тестировали на прочность кожаный диван), Хвостатый Экскаватор (когда процесс закапывания лотка превращался в попытку пробить пол и докопаться до ядра Земли, желательно транзитом через соседей снизу) и новые клички дополнялись каждую неделю.

Сейчас в огромных, как два лимона, желтых глазах Мышки читалось четкое, неоспоримое: «Вставай, женщина! Твоя королева голодает, а сухой корм в миске лежит неровной кучкой, обнажая позорное дно». Марти сделала предупредительный «топ-топ» передними лапами по моим ребрам, выпустив когти примерно на полсантиметра. Намек был понятен.

Из кухни донесся мерный, пулеметный стук механической клавиатуры. Ага, Рома уже на ногах. Мой муж, двадцативосьмилетний IT-разработчик Senior-уровня и по совместительству человек, который умудрился хакнуть эту жизнь. В то время как обычные смертные выгорают на пятидневке, Рома выстроил себе идеальную экосистему: четыре рабочих дня в неделю. Из них два дня он проводил в стеклянном минском офисе, два — дома, превращая гостиную в филиал ЦУП, а в пятницу у него наступал легальный, задекларированный на семейном совете — анабиоз, во время которого его можно было использовать вместо подушки.

Сегодня был вторник — по графику день офисного выгула. Но судя по звукам, штурм дедлайнов начался прямо из дома.

Кое-как выковыряв себя из кокона одеяла, я натянула безразмерное университетское худи, которое когда-то было отжато у Ромы и навсегда присвоено мне, поплелась на кухню, волоча ноги по паркету. Поскольку я уже два месяца как училась на удаленке, мой официальный дресс-код на ближайшие полгода состоял из этого самого худи, пижамных штанов с принтом из растерянных корги и растрепанного пучка на голове, который держался исключительно на честном слове и вопреки законам гравитации. Я выглядела как каноничный выживший в зомби-апокалипсисе, которому очень нужен кофе.

Рома сидел за кухонным островом в огромных геймерских наушниках с неоновой подсветкой, бешено кодил правой рукой, а левой вслепую нащупывал кружку. Вид у него был монументальный и глубоко абсурдный. На нем была майка с надписью «Error 404: Sleep Not Found» и парные штаны с корги, которые я покупала в комплекте с моими, ну или наоборот. Сам Рома — высокий, слегка худощавый, с вечной трехдневной щетиной и вечно растрепан-

ными русыми волосами — напоминал безумного ученого, которого насильно заставили интегрироваться в приличное общество.

— Привет, — я зацепилась руками за его шею и уткнулась носом куда-то в район плеча. От него пахло гелем для душа с ментолом и свежесваренным эспрессо. — Объясни мне, о повелитель кода, почему ты наполовину нарядный? Ты решил изобрести новый тренд «полуофисный шик»?

Рома аккуратно сдвинул один наушник на затылок, окинул меня долгим, оценивающим взглядом, в котором читалась нежность, смешанная с легким сочувствием к моему пучку на голове.

— Привет, Кэт. Наполовину — потому что в девять утра внезапно образовался экстренный созвон с начальством и заказчиками из Штатов в Зуме. А штаны, как ты понимаешь, в кадр веб-камеры не попадают. Я сидел с самым серьезным лицом, рассказывал про архитектуру базы данных, пока под столом Марти пыталась сожрать шнур от моего микрофона за две тысячи долларов. Зато к выходу в офис я технически готов ровно на пятьдесят процентов. Экономия времени. Кстати, у меня для тебя две новости: хорошая и плохая. С какой начать семейный совет?

— Давай с плохой, — вздохнула я, нащупывая глазами турку. — Мой мозг еще не готов к хорошим новостям.

— Наша шерстяная только что продемонстрировала чудеса левитации, нарушила законы физики, прыгнула с холодильника на стол и украла из тарелки кусок твоего любимого пармезана.

— О как… — я мгновенно протрезвела. — А хорошая?

— Она не успела его переварить, так что технически контрабанда все еще находится в пределах квартиры. И если ты поторопишься, мы сможем отнять его без применения тактического оружия и слабительного.

Из-под кухонного гарнитура, в зазоре между нижними ящиками и полом, раздалось утробное, вибрирующее рычание. Если бы у Чужого из фильма Ридли Скотта была шерсть и усы, он бы рычал точно так же. Я опустилась на корточки и заглянула под шкаф. Мортиша сидела в пыли, намертво зажав в лапах пожелтевший брусок сыра. В темноте ее глаза горели, как у каноничного дракона Смауга, охраняющего золото Одинокой горы.

— Марти, Фуу! Отдай сыр, скотина ты благородная! Он же из цельного молока, у тебя от лактозы будет понос стоимостью в половину моей месячной стипендии! — взмолилась я, пытаясь поддеть кошку шваброй.

— Оставь ее, Кэт, — флегматично отозвался Рома. Он с глухим стуком закрыл ноутбук, виртуозно смотал кабель питания и убрал всё это в рюкзак. — Это естественный отбор. Если выживет — станет сильнее, отрастит вторую печень и пойдет грабить молочные заводы. Если нет — у нас наконец-то освободится куча места на кровати, и из семейного бюджета пропадет самая пугающая статья расходов под названием «элитный паштет из дикого кролика с органической клюквой».

— Сухарь! Она же член семьи!

— Именно поэтому я до сих пор не сдал ее в приют! Ладно, я погнал в офис. У нас там сегодня «стратегическая сессия». Это такой специальный термин, означающий, что мы три часа будем пить бесплатный латте на растительном молоке, жрать круассаны и с очень умными лицами делать вид, что понимаем, куда катится наш проект и почему он катится туда без колес.

Рома наклонился, запечатлел быстрый поцелуй где-то в районе моей растрепанной макушки, привычным движением стряхнул с плеча три черные шерстинки и исчез за дверью, оставив после себя шлейф дорогого парфюма и тихий щелчок замка. Я осталась один на один с Мышкой, которая под шкафом уже начала победно хрустеть пармезаном.

Вообще-то, тишина в квартире — это был мой осознанный выбор. Два месяца назад я совершила самый смелый и безрассудный поступок в своей жизни: уволилась с должности ведущего ивент-менеджера, где выгорала со скоростью бенгальского огня. Работа «двадцать четыре на семь» приносила деньги, но высасывала душу. В двадцать шесть лет я решила взять паузу, выдохнуть и наконец-то нормально, без ночных бдений, получить диплом маркетолога на удаленке.

Правда, у моей свободы был побочный эффект. Мой внутренний генератор идей, лишившись работы, переключился на семейную жизнь. Я физически не умела сидеть сложа руки. Каждую неделю у меня рождался «гениальный стартап» или идея, куда потратить все свободное время мужа.

Рому, как классического айтишника-домоседа, чей идеальный вечер — это PlayStation, пицца и отсутствие человеческих контактов, мои вспышки активности откровенно пугали. Каждый раз, когда я подходила к нему со словами: «Ром, а давай…», в его глазах читался первобытный ужас и желание притвориться ветошью.

Но сейчас Рома был в офисе, в безопасности, под защитой коллег и пропускной системы, поэтому вся моя нерастраченная организаторская энергия сублимировалась в кошку.

— Так, Засранка, время спа-процедур! — скомандовала я, доставая из ящика фурминатор — страшное оружие, напоминающее миниатюрные грабли для пыток.

Вычесывание мейн-куна — это не прихоть эстета, а суровый вопрос выживания. Стоит пропустить всего один день, и черная шерсть Марти совершает контролируемый квантовый скачок, материализуясь в закрытых на замок шкафах, внутри микроволновки, на потолочных светильниках и на черных вещах Ромы. Гардероб моего мужа — это отдельная боль. Он состоит исключительно из пяти абсолютно одинаковых черных худи, пяти черных футболок и трех пар черных джинсов. Для Ромы это «капсульный гардероб, экономящий когнитивный ресурс». Для Марти это был идеальный холст. Стоило мужу сесть на стул, как он автоматически становился похож на йети, который только что вернулся со съемок фильма ужасов.

Марти, едва услышав характерный металлический клик фурминатора, попыталась мимикрировать под плинтус, вжав уши с кисточками в череп.

— Сидеть, — я заблокировала ей пути к отступлению ногой и достала из кармана главный козырь — кусочек вяленой утиной грудки. — Марти, давай по-хорошему. «Дай лапу». Ну же. Ты собака в теле недокормленной рыси, я знаю, ты понимаешь человеческую речь.

Мышка презрительно прищурилась, вздохнула так тяжело, будто на ее плечах лежала судьба всего кошачьего рода, и огромная пушащаяся лапа с когтями размером с росомашьи нехотя опустилась мне на ладонь. Команда «дай лапу» за дорогую еду была усвоена на отлично. А вот команда «умри» у нас никак не продвигалась: Марти наотрез отказывалась падать на бок, справедливо полагая, что её королевское величие и падение на грязный пол — вещи в принципе несовместимые.

Через полчаса жесткой борьбы, в процессе которой я дважды чихнула, а кошка попыталась откусить мне большой палец, на полу образовалась куча шерсти объемом еще на одну кошку, только чуть более компактную.

С этого момента я перешла в режим электровеника. Включить робот-пылесос (который Марти искренне презирала, считая его порождением сатаны, и регулярно пыталась крестить размашистым ударом лапы по бамперу), закинуть в стирку очередную порцию черных вещей, приготовить быстрый омлет со шпинатом (который по вкусу напоминал траву, но был очень полезен для моего воображаемого здорового образа жизни) и налить третью, критическую чашку кофе. Завтрак прошел под бубнящий на фоне ютуб-канал о психологии масс — я пыталась понять, почему люди покупают вещи, которые им не нужны, хотя ответ лежал на поверхности: потому что маркетологи вроде будущей меня умеют красиво продавать.

А затем меня безжалостно засосала черная дыра удаленного университета. С часу дня до пяти вечера мир перестал существовать. Лекции по стратегическому планированию, тесты, где правильный ответ противоречил здравому смыслу, подготовка курсовой… К концу дня мой мозг напоминал перегревшийся процессор старого компьютера, на котором попытались запустить самую современную видеоигру. Из ушей разве что пар не шел.

Спасение пришло в виде короткого, но спасительного сообщения в Телеграмме от Ромы: «Буду через полчаса выходить. Точно! Чуть не забыл!» Я замерла над клавиатурой. Что значит «точно»? Какой сегодня день? Годовщина? День рождения его мамы? День сисадмина? Мои мысли заметались, как тараканы при включенном свете, но тут прилетело второе сообщение: «Встретимся в баре».

Точно! Вспомнила я, сегодня же в Минск приехали ребята из Питера — инди-рок группа, с которыми мы познакомились прошлым летом в отпуске в Грузии. Мы тогда полночи орали песни под гитару на пляже в Кобулети, пили местное домашнее вино из пластиковой пятилитровки и так сдружились, будто знали друг друга со школы. Короче, у них мини-тур, и они сегодня выступают в небольшом баре на Зыбицкой. Грузия! Тот отпуск был лучшим моментом прошлого года. Воспоминания о теплом море, запахе хачапури и сумасшедших питерских музыкантах мгновенно вытеснили из головы графики целевой аудитории.

Заказав такси, я устроила скоростной забег по квартире. Пижамные штаны с корги полетели на диван (Марти тут же улеглась на них сверху). Вместо них я натянула черные кожаные штаны, в которые пришлось втискиваться с легким скрипом, и свободный изумрудный свитер крупной вязки. Быстрый взмах кистью — и глаза подведены жирным черным карандашом в стиле «я подружка рок-музыканта, а не замученная магистрантка». Волосы я просто распустила, позволив им падать на плечи буйными волнами. Когда пришло уведомление «машина подана», я уже вылетала из подъезда, на ходу застегивая пальто.

В баре на Зыбицкой было шумно, душно и потрясающе атмосферно, звучит нелогично, но именно эти ощущения я словила в тот момент. Помещение, расположенное в старом кирпичном подвале, было забито под завязку. Пахло крафтовым пивом, натертым воском деревом, кожей и тем самым непередаваемым предвкушением живого звука. Рома уже ждал меня у массивной дубовой стойки. Вид у него был забавный: уставший после офиса, с легкими темными кругами под глазами, но с абсолютно счастливой улыбкой. Рядом с ним уже крутились наши общие минские друзья, которых он успел подтянуть по дороге.

— О, Кэт пришла! Дорогу королеве маркетинга! — закричал Илья, наш близкий друг, активно маша рукой и пытаясь перекричать гул толпы и ленивый перебор гитарных струн со сцены. — Рома тут как раз в красках рассказывал, как кошка держит вас в заложниках и вымогает пармезан! Мы думаем объявить сбор средств на выкуп!

— Хах! Она просто собирает дань за проживание на ее территории! — рассмеялась я, пробиваясь сквозь толпу и крепко обнимая мужа за пояс. Рома притянул меня к себе, и я почувствовала, как его плечи наконец-то расслабились. Офисный стресс отступал.

И вот, спустя почти десять месяцев после нашей сумасшедшей грузинской встречи, питерские ребята вышли на сцену. Настройщик крутанул ручку микшера, вокалист коротко бросил в микрофон: «Привет, Минск!», и музыка буквально взорвала зал. Это был плотный, качающий звук с надрывным вокалом. Мы сошли с ума вместе со всей толпой. Прыгали, срывая голоса подпевали трекам, которые знали наизусть по записям в плейлисте, обнимались с музыкантами, когда те спускались со сцены в перерыве между сетами, пили ледяное пиво за встречу и ловили этот чистый, концентрированный кайф молодости. Рома, к моему удивлению, полностью отключил свой привычный интровертный режим «не трогайте меня». Он бодро отплясывал рядом в самом центре толпы, крепко придерживая меня за талию, чтобы меня не унесло волной внезапно начавшегося слэма. В его глазах снова горели те самые шальные искорки, в которые я влюбилась три года назад.

Два часа пролетели как пять минут. Музыканты откланялись, зал затребовал бис, но часы неумолимо приближались к полуночи. Завтра Роме снова нужно было кодить (пусть и из дома, но работу никто не отменял), а мне — штурмовать утренние семинары. Расцеловав взмыленных питерцев за кулисами и взяв с нас клятвенное обещание приехать к ним в Питер на белые ночи, мы наконец-то вызвали такси.

Дома нас встретила абсолютная темнота и звенящая, почти осязаемая тишина. Она нарушилась ровно в тот микроскопический момент, когда ключ провернулся в замочной скважине.

На коврике в прихожей, идеально центрировав свое массивное тело и тем самым полностью заблокировав проход, сидела Марти. В полумраке коридора ее огромные желтые глаза горели, как две противотуманные фары. Она не спала все эти часы. Она ждала. И судя по её позе сфинкса и подергивающемуся кончику хвоста, мы были официально, без права на апелляцию, приговорены к смертной казни через пожизненное презрение.

— У-у-у, кажется, кто-то грубо нарушил комендантский час и оставил хозяйку без вечернего чёса, — тихо, почти шепотом пробормотал Рома, аккуратно снимая кроссовки, чтобы не совершать резких движений. — Кэт, доставай самые дорогие отступные, которые у нас есть, а лучше неси все что есть, попробуем подкупить начальника.

— Мяу-у-у-у-угх! — утробно, с глубоким укором и хрипотцой выдала Мышка, требуя немедленной компенсации за моральный ущерб, экзистенциальное одиночество и пустую миску.

— Иду-иду, твое пушистое величество, уже бегу, — я на цыпочках поплелась на кухню, едва не растянувшись в темноте на забытом роботе-пылесосе, и щедро насыпала в миску двойную порцию сушеных деликатесов.

Марти снизошла до еды. Хруст лакомств возвестил о том, что гнев сменился на милость. Она даже позволила Роме один раз почесать себя за ухом, после чего величественно удалилась в спальню.

После горячего, обжигающего душа силы окончательно и бесповоротно покинули нас обоих. Мы буквально рухнули на кровать, даже не расправляя до конца покрывало. Рома притянул меня к себе, я положила голову ему на грудь, и в этот момент на наши ноги с глухим стуком приземлился тяжелый черный меховой воротник. Марти пришла спать, уткнувшись носом в мой бок и заблокировав нам любую возможность повернуться. Но нам было все равно. День был официально завершен.

Глава 2

Среда началась как самый обычный, рафинированный день из жизни счастливого минского хипстера. Знаете этот тип утра, когда теплое солнце идеально падает сквозь панорамные окна на светлый паркет, свежемолотый кофе пахнет так маняще, как в хорошей рекламе, а жизнь кажется предсказуемой, уютной и абсолютно безопасной?

Рома работал из дома. Это означало, что наш просторный зал временно превратился в филиал центра управления полетами НАСА. Муж сидел в своем огромном геймерском кресле перед тремя огромными изогнутыми мониторами, на которых с бешеной скоростью летели бесконечные строчки зеленого и белого кода. На нем были те самые забавные фланелевые пижамные штаны с корги, которые не вошли в кадр вчерашнего зум-созвона, и безразмерная черная футболка с надписью «I fix your „smart“ home».

— Мышка, ну уйди с пробела, ты мне сейчас весь прод к чертям сломаешь… — беззлобно и флегматично ворчал Рома, пытаясь локтем аккуратно отодвинуть Мортишу.

Марти, как истинная женщина, выбрала для своего дневного сна самое неподходящее, но самое теплое место в квартире — клавиатуру Роминого рабочего макбука. Она лежала, растекшись огромным черным пушистым блином, лениво подрагивала кисточками на ушах и на любые попытки мужа сдвинуть её с места издавала короткое, крайне возмущенное «мрк», поджимаю лапки в кулочки, ну или во что-то похожее.

Я сидела рядом на мягком диване, поджав под себя ноги. Моя творческая натура пыталась сосредоточиться на распечатках лекций по управлению проектами, но мысли то и дело уносились куда-то в сторону интерьерного дизайна нашей спальни. На кухне мирно булькал легкий овощной суп, а наш круглый робот-пылесос монотонно шуршал по полу в коридоре. Самый обычный для нас день. Двадцать третий этаж нового высотного дома на Немиге. Безопасный, закрытый жилой комплекс с консьержем внизу, где максимальное ЧП, которое могло случиться — это если курьер перепутает заказы еды или зазвучит учебная сирена и нам придется пешком всем семейством пробежаться по пожарной лестнице вниз, ооо и такое уже случалось пару раз, когда тестировали пожарную систему, и каждый раз забывали сообщить об этом жильцам.

Все изменилось ровно в 14:15. Я запомнила это время с точностью до секунды, потому что мой взгляд как раз лениво упал на настенные часы.

Робот-пылесос в коридоре внезапно с глухим стуком застрял у ножки стола и жалобно, электронно пискнул. Но тишину квартиры разорвал вовсе не он.

Марти, которая еще секунду назад сладко спала на теплой клавиатуре, подорвалась так резко, словно через её тело пропустили мощный разряд электрического тока. Она взлетела с макбука, едва не перевернув Ромину массивную кружку с остывшим кофе, и мертвой хваткой замерла посреди комнаты. Вся её черная шерсть встала дыбом от ушей до самого кончика хвоста.

— Эй, Марти, ты чего? Призраков увидела? — усмехнулся Рома, лениво отрывая взгляд от монитора и потирая шею. В его голосе проскользнул привычный скепсис.

Но кошка не просто испугалась. Она медленно, припадая к полу на полусогнутых, мелко дрожащих лапах, поползла в коридор к нашей входной двери. И из её груди вырвался звук, который я никогда в жизни от неё не слышала за все два года. Это не было обычное кошачье шипение. Это был глубокий, утробный, вибрирующий и пугающе низкий рык. Так рычат дикие звери в лесной глуши, когда чуют смертельную опасность.

У меня внутри всё сжалось от этого звука. Я отложила тетрадь с конспектами, чувствуя, как тепло утра мгновенно испаряется. В груди шевельнулось странное и холодное предчувствие.

— Ром… — я тихо поднялась с дивана, мой голос прозвучал взволнованно. — Посмотри на неё. Пожалуйста. Это ненормально.

Рома флегматично снял свои большие наушники, опустил их на шею и окинул кошку изучающим взглядом. Его лицо оставалось спокойным, непроницаемым.

— Наверное, сосед из квартиры напротив опять свою собаку выгуливать повел, — Рома поднялся из кресла, его высокая фигура заслонила свет. — Наша шерстяная принцесса просто категорически не терпит конкуренции на этаже. Иди сюда, Кэт. Ничего там нет.

Он подошел ко мне, обнял одной рукой за плечи, мягко прижимая к себе, чтобы успокоить мою вечно паникующую творческую натуру. Мы вместе осторожно подошли к коридору. Марти уже стояла вплотную у тяжелой бронированной входной двери. Её большие уши были плотно прижаты к голове, лапы ходили ходуном от дрожи, а рычание переходило в какой-то захлебывающийся, страшный свист. Она буквально пыталась вжаться в пол, но не отводила взгляда от дверной щели.

И тут мы услышали это…Звук шел из-за двери, где на нашем этаже располагалось всего четыре квартиры. Это был не топот человеческих ног. И не привычный скрежет связки ключей. Это был тяжелый, шуршащий, влажный, скользящий звук трения чего-то огромного о бетонный пол. Будто кто-то медленно, с усилием тащил по коридору что-то тяжелое, во всем этом читался определенный ритм. Шшш-ххх… Шшш-ххх…

А затем раздался жуткий хруст. Сухой, резкий треск ломающегося дерева и скрежет разрываемого, гнущегося металла. Звук шел со стороны квартиры наших тихих соседей напротив — той самой пожилой пары, которая часто уезжала на дачу.

— Что за чертовщина… — Рома нахмурился, его брови поползли к переносице. Вся его напускная расслабленность мгновенно исчезла, уступив место собранности. Он сделал шаг вперед, приближаясь к двери. — Строители? Кто-то ломает замок соседям средь бела дня?

— Ром, не надо, пожалуйста, не подходи! — я испуганно схватила его за край футболки, мои пальцы мгновенно похолодели, став ватными. Страх — это странная, парализующая штука. Он не наваливается сразу, он просачивается под кожу маленькими, ледяными иголками. Почему-то в этот момент мне стало физически трудно дышать, воздух в прихожей показался слишком густым и тяжелым.

Рома мягко, но настойчиво отстранил мою руку, загородив меня своей широкой спиной. Он наклонился и посмотрел в глазок. Я стояла прямо за его спиной, вглядываясь в его строгий профиль, ловя каждое движение. Я видела, как его лицо сначала выразило недоумение, потом его челюсть жестко сжалась, а затем… затем из его лица буквально в одно мгновение испарилась вся краска. Кожа Ромы стала мертвенно-бледной, серой, он явно был в смятении.

— Ром… Что там? Скажи мне, — прошептала я, чувствуя, как слезы страха подступают к глазам. Мой собственный голос показался мне чужим, глухим.

— Не могу понять— тихо, одними губами, не оборачиваясь, ответил он. Его голос потерял всякую иронию, став пугающе ровным. — Глазок чем-то закрыт. Темным. Оно шевелится прямо там, с той стороны нашего глазка.

Он осторожно, стараясь не издать ни единого звука, протянул руку и потянул за массивную ручку замка, чтобы проверить, заперта ли наша бронированная дверь на все обороты. Защелка тихо, едва слышно щелкнула.

И в этот же миг прямо с той стороны нашей двери раздался оглушительный, чудовищный удар. Будто в стену со всего размаху прилетел многотонный строительный таран. Тяжелая металлическая обшивка нашей двери жалобно, пронзительно зазвенела, коробка содрогнулась. Марти с диким, пронзительным воплем отскочила назад, подлетев в воздух на метр, и с пробуксовкой скрылась в глубине квартиры, забившись под кровать.

— Нам нужно посмотреть, с чем мы имеем дело, — Рома тяжело сглотнул слюну. В его глазах, всегда полных холодного цинизма, сейчас читался сухой, жесткий аналитический про-

счет ситуации. Муж обернулся ко мне, его лицо было каменным, но взгляд оставался сфокусированным на мне. — Кэт, отойди за угол гостиной. Спрячься. Я только приоткрою на цепочку. Посмотрю в щель.

— Нет! Рома, умоляю, не смей! — выдохнула я, чувствуя, как паника затапливает сознание, но он уже быстрым движением повернул верхнюю защелку.

Толстая металлическая цепочка натянулась с коротким, слишком громким в этой тишине лязгом. Рома приоткрыл тяжелую дверь всего на два сантиметра.

Я не ушла. Моя упрямая натура не позволила мне сбежать. Поддавшись безумному импульсу, я шагнула вперед и заглянула в эту узкую двух сантиметровую щель прямо через его плечо, чувствуя плечом его напряженное тело.

И в этот момент мой мозг просто отключился. Он выбросил белый флаг и наотрез отказался воспринимать поступающую информацию. Это был когнитивный диссонанс в его абсолютном, чистом проявлении. Вы смотрите на вещь, вы четко видите её форму, цвет, но ваш разум истошно кричит: «Этого не существует! Это декорации! Это чей-то дурацкий розыгрыш с графикой!».

Внутренняя деревянная дверь соседской квартиры напротив была разломана в центре, будто по ней ударили бревном. А из этого темного пролома соседей, медленно в общий коридор вываливалось… нечто. Огромное, толщиной с хорошее вековое дерево, кольцо чешуйчатого тела. Чешуя была матовой, иссиня-черной с жутким, маслянистым болотным отливом. Каждая отдельная чешуйка была размером с мою ладонь. Тело двигалось, оно медленно перекатывалось, с тихим шуршанием заполняя собой весь наш узкий общий коридор, выдавливая остатки воздуха.

— О боже… о боже, Рома, что это такое… — зашептала я, чувствуя, как слезы застилают глаза.

Руки затряслись так сильно, что я едва не выронила свой телефон, который все это время мертвой хваткой сжимала в кармане худи. Сама не зная зачем, чисто на автомате человека, привыкшего фиксировать на камеру вообще всё на свете, я дрожащими пальцами разблокировала экран, вслепую включила камеру и на долю секунды просунула руку со смартфоном к открытой щели. Камера успела поймать фокус.

На экране смартфона промелькнул настоящий, оживший кошмар из самых мрачных фильмов ужасов: кольца гигантского чешуйчатого тела с хрустом сминали обломки соседской мебели, и вдруг — движение чуть выше. Из темноты соседской прихожей показалась плоская, массивная, треугольная голова. Она была размером с капот хорошего легкового автомобиля. Два мертвых, мутно-желтых глаза с вертикальными угольными зрачками сфокусировались точно на нашей дверной щели. Тонкий, раздвоенный темный язык длиной с человеческую руку выстрелил в воздух, с тихим свистом пробуя его на вкус.

Она почуяла нас…

— Назад! Быстро! — Рома с силой рванул дверь на себя, с грохотом захлопывая её, и с безумной, нереальной скоростью повернул все три замка на все обороты.

В ту же секунду в дверь последовал новый удар такой сокрушительной силы, что бронированный металл прогнулся внутрь, а штукатурка с откосов посыпалась нам на головы. Мы услышали страшный, пронзительный скрежет с той стороны. Это не были когти. Это были огромные зубы или роговые щитки на морде, которые со скрипом сдирали краску с нашей двери. Тварь пыталась проломить металл весом своего тела.

— В комнату! На лоджию! Бегом, Кэт! — Рома мертвой хваткой схватил меня за запястье так сильно, что рука начала моментально неметь. Но боли я не чувствовала. Страх и адреналин сработали как мощнейший, мгновенный анестетик. Все тело стало сжатым как пружина, а сердце колотилось где-то в самом горле, перекрывая доступ к кислороду.

Мы влетели в спальню, закрывая за собой дверь. По дороге Рома на секунду упал на колени перед кроватью и буквально силой выдрал оттуда бьющуюся в истерике Мортишу. Кошка обезумела от ужаса: она извивалась, дико шипела, когтями разодрала Роме предплечье до крови, оставив глубокие красные полосы, но он даже не поморщился, а намертво прижал к своей груди.

Мы ворвались на лоджию. Это была наша застекленная комната с большими панорамными окнами в пол, выходящими прямо на проспект. Рома с грохотом захлопнул тяжелую пластиковую дверь, ведущую из спальни на лоджию, и с силой провернул ручку до упора вниз. Мы оказались заперты в стеклянной коробке на высоте двадцать третьего этажа. Бежать дальше было некуда. Сзади — обрыв, высота и Минск, впереди — прихожая, в которую ломилось нечто, чего не могло существовать в нашей реальности.

Из прихожей донесся оглушительный треск разрываемого металла. Наша входная бронированная дверь, стоившая кучу денег и призванная защищать от любых грабителей, не выдержала давления. Тварь прорвалась внутрь нашей квартиры.

Я без сил упала на колени на холодный пол лоджии, судорожно прижимая к себе воющую, дрожащую Марти. Кошка забилась мне под мышку, мелко трясясь всем своим телом.

— Рома… Рома, господи, что это? Откуда это? Таких змей не бывает! Самая большая анаконда в книгах — ну шесть метров, ну семь! Но это… это же монстр какой-то… — у меня началась настоящая, захлебывающаяся истерика. Слезы градом брызнули из глаз, дыхание стало прерывистым, судорожным. Я в панике посмотрела на свои руки и не узнала их: пальцы от ужаса свело судорогой, они превратились в жесткие, непослушные крючки.

Рома мгновенно опустился на колени рядом со мной, заслоняя меня своим телом от пластиковой двери. Он крепко обнял меня свободной рукой, прижимая мою голову к своей груди. Его футболка на руке быстро пропитывалась темной кровью из кошачьих царапин, но он, кажется, этого даже не замечал. Лицо его было серым, каменным, челюсти сжаты.

— Тихо, Кэт. Дыши, — твердо, без тени дрожи прошептал он мне прямо в макушку, хотя я чувствовала, как бешено стучит его собственное сердце. Муж достал свой телефон. Пальцы разработчика, обычно с легкостью летающие по клавиатуре, сейчас заметно мазали мимо экрана, оставляя кровавые следы на стекле. — Звоню в МЧС.

Он набрал номер и поставил на громкую связь.

— Дежурная служба МЧС, слушаю вас, — раздался спокойный, убаюкивающий женский голос из динамика. Этот дикий контраст между мирной обыденностью оператора и нашим персональным адом на секунду полностью выбил меня из колеи.

— Нам нужна экстренная помощь. Минск, Немига, жилой комплекс… квартира 84. Двадцать третий этаж. К нам в квартиру ворвалась гигантская змея. Метров десять-двенадцать длиной. Она появилась из соседской квартиры напротив и сейчас ломает нашу гостиную. Мы заблокированы на лоджии, дверь долго не выдержит, — голос Ромы был пугающе ровным, холодным и собранным.

В трубке повисла тяжелая, осязаемая, мертвая тишина.

— Гражданин, вы понимаете, что за ложный вызов экстренных служб предусмотрена административная ответственность? — голос оператора мгновенно стал строгим, сухим и холодным. — Какая еще змея на двадцать третьем этаже дома? Прекратите хулиганить.

— Это не шутка, блин! — не выдержав, заорала я прямо в трубку, срывая голосовые связки и заходясь в слезах. — Она прямо сейчас жрет нашу квартиру! Стены рушатся! Приезжайте, пожалуйста, мы сейчас просто сдохнем здесь! Пожалуйста!

— Вызываю на ваш адрес наряд милиции и скорую помощь для выяснения обстоятельств. Оставайтесь на связи, — сухо отчеканила оператор и отключилась.

Рома сбросил вызов, выругался сквозь зубы и тут же набрал внутренний номер консьержа нашего дома.

— Дядя Витя! Дядя Витя, это Рома из 84-й квартиры. Послушайте меня внимательно: не смейте подниматься на наш этаж! Вообще никому не разрешайте! Запритесь внизу в своей будке! У нас на этаже огромная, чудовищная змея, она выломала двери соседям и нам. Вызывайте МЧС, спецназ, зоопарк, военных, кого угодно!

— Ромочка, сынок, ты чего это? Какой еще зоопарк? — донесся глуховатый, сонный старческий голос из динамика. — Вы там с Катенькой перебрали чего с обеда, что ли? Шутки шутите с дедом… Какая змея на Немиге, сынок…

Они не вели переговоров, они просто не верили. И их, если честно, нельзя было винить. Если бы мне кто-то позвонил час назад и сказал, что в центре Минска по элитному жилому комплексу ползает монстр, как из фильмов про доисторических тварей, толщиной со столетний дуб, я бы сама покрутила пальцем у виска и посоветовала вызвать санитаров.

И в этот самый момент за пластиковой дверью лоджии, в темноте нашей спальни, что-то рухнуло. Это упал наш огромный шкаф-купе. Раздался звон разбитых зеркал, треск ломающегося ДСП. Тварь была уже в спальне. От нас её отделяло всего одно двойное стекло пластиковой двери, которое уже начало мелко вибрировать.

— Они не приедут вовремя… — прошептала я, утыкаясь носом в Ромину окровавленную руку. Страх перерос в ту жуткую стадию, когда паника исчезает, уступая место холодному, звенящему и абсолютному отчаянию. Если мы сейчас погибнем здесь, никто в мире даже не узнает, что произошло на самом деле. Нас не найдут и спишут всё на какой-нибудь банальный взрыв газа или сумасшедшего маньяка.

Я посмотрела на свой телефон, который все еще сжимала в руке. На экране ярко горел значок мобильного интернета. Сеть 5G работала идеально, без единого сбоя. Дикий парадокс нашего цифрового века: ты можешь стоять на самом краю гибели, тебя блокирует монстр, но у тебя есть прямой доступ ко всему миру.

— Я выложу это видео, Ром, — сказала я, поднимая камеру и вытирая слезы рукавом худи. — Пусть все увидят. Прямо сейчас. Это наш единственный шанс.

Мои руки почти не слушались, пальцы прыгали по экрану. Я открыла Инстаграм, зашла в сторис. Выбрала то самое короткое, смазанное, но пугающее видео чешуи, которое успела снять через дверную щель в прихожей. Черная матовая чешуя с болотным отливом, треугольная голова размером с капот автомобиля, месиво из щепок соседской прихожей. Я написала огромными красными буквами поверх экрана: «МИНСК. НЕМИГА. МЫ ЗАБЛОКИРОВАНЫ НА ЛОДЖИИ. К НАМ В КВАРТИРУ ВОРВАЛАСЬ ГИГАНТСКАЯ ЗМЕЯ. НАМ НЕ ВЕРЯТ ЭКСТРЕННЫЕ СЛУЖБЫ. ПОМОГИТЕ. ЭТО НЕ ПРАНК». Нажала кнопку «Опубликовать».

Затем мгновенно открыла ТикТок. Загрузила видео туда же. Включила фронтальную камеру для быстрой сторис. Мое лицо на экране выглядело просто ужасно: размазанная вчерашняя тушь под глазами, белые, бескровные губы, безумные от ужаса глаза.

— Пожалуйста, кто-нибудь, кто это видит, перенаправьте это в МЧС, позвоните им, это не шутка, — зашептала я на видео, стараясь говорить как можно четче, хотя нижнюю челюсть сводило от дрожи. — Мы в Минске, на Немиге, дом… квартира 84. Она прямо за нашей дверью в спальне. Посмотрите видео в профиле. Помогите нам, у нас кошка, мы заперты на лоджии двадцать третьего этажа…

Я залила видео в сеть. Прошло всего две минуты, а счетчик просмотров под постом в ТикТоке уже начал сходить с ума, обновляясь с нереальной скоростью. 500, 2000, 100 000, миллион… В комментарии лавиной посыпались первые сообщения со всего мира: «Это пранк?», «Что за графон? Из какого фильма промо-ролик?», «Блин, лицо у девки слишком испуганное для пранка, мне реально страшно», «Ребята, это что, по-настоящему?!».

Внезапно Рома с силой сжал мое плечо, притягивая меня еще ближе к себе, почти закрывая своим телом.

— Замри, Кэт. Не дыши, — выдохнул он мне в самое ухо. Его голос был холодным, как лед.

За треснувшим матовым стеклом пластиковой двери, в полумраке спальни, появилось массивное, тяжелое движение.

Дверь спальни жалобно скрипнула под чудовищным давлением чешуйчатого бока. Стекло пошло сеткой мелких трещин, издав сухой, предупреждающий треск. Мы сжались в живой комок, Рома крепко обнял меня, готовый к тому, что стекло сейчас разлетится на мелкие осколки и он примет удар на себя. Но тварь внезапно потеряла к нам интерес. Её привлек громкий, отчетливый лай собаки, донесшийся из полностью открытого настежь окна гостиной, которое я привычно оставила на проветривание утром. Судя по всему, с нижнего этажа как раз вернулся с прогулки сосед со своим доберманом, и пес залаял на весь подъезд.

Мы затаили дыхание, боясь пошевелиться. Через боковое остекление лоджии нам было отлично видно, как огромная, черная масса начала медленно выползать наружу, на фасад здания, реагируя на этот звук.

Это было зрелище, достойное самых жутких, оживших кошмаров Стивена Кинга. Из окна нашей гостиной выдвигалось матово-черное, лоснящееся тело. Оно медленно переваливалось через бетонный отлив, цепляясь мощной чешуей за декоративные элементы фасада нашего дома. Змея ползла вниз и вбок, перебираясь по откосам окон двадцать третьего этажа, словно гигантский канат.

Размер. Теперь, на фоне четких линий здания, мы видели её целиком. Она была колоссальной. Метров десять, а то и все двенадцать длиной. Толщиной с хорошую бочку для кваса. Когда её плоская, треугольная голова уже скользила по окнам нижнего этажа, хвост все еще находился в нашей разгромленной спальне. Это было противоестественно, ужасающе. Такое существо просто физически не могло существовать в условиях нашей реальности, а тем более ползти по стене жилого дома в центре Минска.

Я снова подняла телефон, хотя пальцы едва слушались. Руки двигались как в замедленной съемке, словно в густом киселе. Я снимала этот ужас, ползущий по стене минской высотки, и транслировала это в прямой эфир ТикТока. Теперь в комментариях никто не шутил. Лента летела с бешеной скоростью, комментарии сливались в одну сплошную белую полосу: «О боже, это реально на Немиге?!», «Я живу в доме напротив, я вижу её прямо сейчас из окна!», «Вызывайте армию, что это за тварь?!», «Ребята, вы живы?!». Видео вышло в мировые тренды за считанные минуты.

— Всё будет хорошо, Кэт. Мы живы, — твердил он, целуя меня в висок, пока его расцарапанное плечо продолжало кровоточить.

Прошло еще минут 7-8, которые показались нам вечностью, проведенной в чистилище. Мы с Ромой сидели на полу лоджии, обнявшись, прижимая к себе притихшую, словно окаменевшую Марти. Кошка даже не моргала, уставившись в одну точку своими круглыми глазами. Мы боялись сделать глубокий вдох. Что, если змея решит вернуться обратно? Что, если она сорвется и разобьет стекло лоджии снизу?

Вдруг со стороны улицы донесся странный, нарастающий хлопающий звук. Вертолет без опознавательных знаков.

Я осторожно подняла голову и посмотрела вниз через стекло. У подножия нашего дома все было залито синими и красными огнями маячков. Спецслужбы, скорые, черные тонированные микроавтобусы без номеров. Весь перекресток и прилегающие улицы были полностью заблокированы военными грузовиками. Оцепление выставили в радиусе километра. Они наконец-то приехали, увидев наш стрим?

По фасаду здания, сверху вниз, на альпинистском снаряжении начали быстро спускаться трое мужчин. Но это были не обычные спасатели МЧС в привычной форме. На них были странные, плотные костюмы серо-стального цвета, отдаленно напоминающие тяжелую химза-

щиту, и полностью закрытые шлемы с темными визорами. В руках они держали что-то похожее на военное оружие из фильмов.

Один из них зафиксировал трос прямо над окном, где замерла змея. Тварь почувствовала угрозу: её голова взметнулась вверх, пасть раскрылась, обнажая ряды острых клыков, она жутко зашипела. Но мужчина сработал профессионально и хладнокровно. Раздался глухой хлопок. Из ружья вылетел массивный дротик, который вошел точно в шею монстра. Затем второй. Третий.

Змея судорожно дернулась, свилась в тугие кольца, едва не бросившись на альпиниста со стены, но уже через пару минут её движения стали вялыми и хаотичными. Огромное тело обмякло, повиснув на декоративных выступах дома, как гигантский черный канат.

Сверху спустилась грузовая платформа-сетка. Люди в серых костюмах быстро, отточенными до автоматизма движениями перегрузили неподвижное чудовище туда, закрепили стропы и платформа начала медленно опускаться вниз, к черным микроавтобусам. Они работали так, будто делали это каждый день. Без паники. Без лишних слов. Профессиональные ловцы чудовищ.

Внизу захлопнулись тяжелые двери машин, и колонна без сирен, на огромной скорости рванула в сторону выезда из города, растворяясь в минских улицах. Кошмар уехал.

В нашей квартире воцарилась гробовая, звенящая тишина. Только холодный осенний ветер со свистом гулял в окне гостиной, шевеля остатки штор.

Мы с Ромой продолжали сидеть на полу лоджии. Мои ноги окончательно затекли и полностью онемели, но я не двигалась, прижимаясь к мужу. Разум все еще пытался переварить случившееся. Это был сон? Массовый психоз? Но разорванная футболка Ромы, кровь на его руке и полный разгром за стеклом были вполне реальными.

Вдруг из глубины нашей квартиры, из прихожей, донеслись тяжелые, размеренные шаги. Кто-то наступал прямо на битое стекло и обломки мебели — они с противным хрустом ломались под чьей-то тяжелой подошвой.

Шаги приближались к спальне. Медленно. Уверенно…

Рома нащупал рукой на полу лоджии тяжелый металлический замок от велосипеда, который мы там хранили, и до белизны в костяшках сжал его в кулаке. Его рука заметно дрожала от перенапряжения, но взгляд был ледяным и решительным. Его инстинкт защиты работал на максимуме.

— Сиди тихо, Кэт. — твердо шепнул он, не оборачиваясь.

Кто-то вошёл в спальню. Остановился прямо перед пластиковой дверью лоджии. И в этот момент, через матовое стекло, мы увидели силуэт человека…

Глава 3

На пороге нашей лоджии стоял мужчина, чей монументальный вид в одну секунду выбил из моей головы последние глупые, детские надежды на спасателей, милицию или скорую помощь. Плотный серо-стальной костюм из тяжелого, матового материала сидел на нем как литая футуристическая броня, созданная не для защиты, а для подавления. Ткань словно поглощала панорамный свет, льющийся из окон, не давая ни единого блика, а на правом плече тускло, зловеще поблескивал непонятный шеврон — идеально ровный, пустой черный круг, всасывающий в себя остатки моей уверенности. Мужчина уже снял свой шлем и держал его под мышкой, как трофей. Лицо у него было жесткое, словно высеченное из серого гранита, с глубоким, рваным, уродливым шрамом, наискось пересекающим правую щеку от скулы до самого подбородка. Но страшнее всего были его глаза — цвета мокрого, грязного асфальта, абсолютно плоские, пустые, в которых не читалось ни единой человеческой эмоции. Ни злости, ни жалости, ни азарта. Только холодный, машинный расчет.

Он медленно, методично окинул взглядом нашу тесную лоджию, на долю секунды задержавшись на тяжелом металлическом велосипедном замке, который Рома продолжал сжимать в задрожавшей руке. Мужчина едва заметно, самым уголком тонких губ, усмехнулся. Но эта улыбка вышла мертвой, похожей на системный сбой на лице безжалостного терминатора.

Рома, несмотря на бледность и сочащуюся из царапин кровь, мгновенно среагировал на эту ухмылку. Он сделал короткий, резкий шаг вперед, еще плотнее задвигая меня, себе за спину, и перехватил железку поудобнее, закрывая меня своей широкой грудью от этого леденящего взгляда. Я чувствовала, как ходит ходуном его грудная клетка, как бешено пульсирует вена на его шее, но его спина оставалась твердой, как каменная стена. Он был готов драться до последнего вздоха, даже понимая, что против этого человека в броне велосипедный замок — всё равно что зубочистка против танка.

— Живы? Отлично. Значит закончим быстрее, — голос незнакомца прозвучал низко, хрипло, с металлической хрипотцой, и пугающе спокойно, заполнив собой все замкнутое пространство лоджии так, что стены словно сжимались внутрь. — А теперь к делу. Гражданка Екатерина, верно? Вам нужно зайти во все свои аккаунты, чтобы удалить оба видео и опубликовать новый пост с официальными извинениями, допустим… за слишком реалистичное использование ИИ. Скажете общественности, что это был глупый, запланированный пранк для раскрутки каналов и привлечения новой аудитории.

Я полностью онемела, чувствуя, как реальность крошится под ногами. Какое ИИ? Какие нейросети? Нас только что едва не сожрали живьем в собственной спальне! Мои губы задрожали, а к горлу подкатил тяжелый, удушливый ком.

— Вы… вы сейчас это серьезно? Вы шутите? — наконец выдавила я из себя, изо всех сил вжимаясь носом в Ромино плечо, судорожно хватаясь пальцами за его мокрую от пота и крови футболку, ища у него защиты, тепла, хоть какого-то подтверждения, что мир вокруг еще не окончательно сошел с ума. — Там была змея! Настоящая, огромная, живая черная тварь! Она только что разнесла в щепки дверь наших соседей и уничтожила нашу! Какое, к черту, использование ИИ?! Я сняла её! Она реальна!Я не сошла с ума… — с каждой фразой мои слова звучали все тише и я сама не до конца была уверена в том, что я видела, а может действительно я схожу с ума…насколько реально то, что я видела..

Мужчина со шрамом сделал один тяжелый, размеренный шаг вперед, преодолевая порог спальни. Под его массивным армейским ботинком с противным, хрустящим звуком лопнул обломок пластикового профиля двери. Марти под моей рукой мгновенно зашипела и попыталась буквально вжаться в холодный бетонный пол лоджии, затрепетав всем своим восьмикилограммовым телом от ужаса. Она чуяла этот запах. Запах смерти, исходящий от него.

— Слушай меня очень внимательно, девочка, — мужчина слегка наклонился к нам, и от его костюма резко, волной повеяло могильным холодом и каким-то странным, едким химическим запахом озона, от которого мгновенно запершило в горле и заслезились глаза. — У тебя нет выбора. Вообще. Прямо сейчас ты берешь свой телефон и послушно пишешь то, что я тебе приказал: кликбейт, хайп и нейросети. Стереть вас двоих из этого мира мы прямо сейчас можем — но твое видео в ТикТоке уже разлетелось по сети и стало вирусным, его посмотрели миллионы, и если вы сейчас внезапно исчезнете или попадете в «аварию», это поднимет слишком много подозрительной шумихи среди населения. А нашему руководству лишнее внимание прессы, международных агентств и глупые расследования ни к чему. Ликвидировать цифровую угрозу в виде этого файла куда проще, быстрее и чище через вас. Добровольно.

Он медленно выпрямился во весь свой немалый рост, расправил широкие плечи и небрежно засунул свободную руку в карман разгрузочного жилета, демонстрируя полное, абсолютное превосходство над нами.

— Поэтому руководство приняло решение предложить вам компромисс, — продолжил Шрам, и его голос звучал так ровно и обыденно, словно он обсуждал цену батона или молока в магазине у дома. — В качестве отступных за ваше абсолютное, вечное молчание и эту маленькую, аккуратную цифровую ложь вы получите десять миллионов долларов. На любой указанный вами зарубежный счет, в офшорную зону или в криптовалюте на холодный кошелек. Без налогов, без деклараций, без следов и лишних вопросов. Вы станете обеспеченными людьми до конца своих дней, сможете уехать в любую точку земного шара, купить себе новую жизнь, а мы тихо закроем этот досадный инцидент.

Эта цифра ударила по ушам, как оглушительный взрыв. Десять миллионов долларов. Для нашей молодой пары из Минска, где Рома хоть и хорошо зарабатывал в ИТ, но всё же считал каждую крупную покупку, а я только-только уволилась в никуда, это были космические, нереальные, абсолютно абсурдные деньги. Они в одну секунду ломали, перемалывали и полностью меняли любое представление о нашем будущем, о наших целях, о том, кто мы вообще такие. В голове зашумело, а пространство перед глазами на мгновение покрылось туманом.

— Что это за тварь? — подал голос Рома. Его рука с велосипедным замком медленно, нехотя опустилась вдоль туловища, но пальцы по-прежнему были сжаты до судорог, костяшки побелели. В его глазах, всегда полных ледяной уверенности, контроля и иронии, я впервые увидела глубокую, темную панику, которая, впрочем, тут же маскировалась лихорадочным, чисто математическим анализом ситуации. Он пытался просчитать алгоритм, но вводных данных катастрофически не хватало. — Откуда она взялась на двадцать третьем этаже жилого дома в центре города? И почему за обычное молчание нам предлагают такие деньги? Кто вы вообще такие? На кого вы работаете?

Мужчина со шрамом даже не моргнул. Все Ромины вопросы просто отскочили от его матовой серой брони, как от каменной стены, не оставив ни малейшего следа.

— Информацией подобного уровня вы не владеете по праву своего рождения, — отрезал он холодным, мертвым тоном. — И никогда не будете владеть. Ваш удел — взять деньги и забыть этот день, как плохой сон.

В этот самый момент в его правом ухе что-то коротко пискнуло. Он прижал указательный палец к незаметному наушнику-капле, внимательно выслушал короткое, прерывистое шипение эфира, едва заметно нахмурился, отчего шрам на щеке уродливо перекосился, и резко, по-военному развернулся к выходу.

— Мне нужно идти, — бросил он через плечо, уже тяжело шагая по обломкам нашего зеркального шкафа в спальне. — У вас есть ровно полтора часа. Ровно в 16:30 я вернусь обратно. Если видео к этому моменту не будет полностью удалено со всех социальных сетей, или если вы попытаетесь кому-то рассказать хотя бы одно слово, сделать скриншот, намекнуть друзьям… мы посчитаем, что вы официально отказались от сотрудничества. Время пошло.

Тяжелые, размеренные шаги быстро удалялись в глубину нашей разгромленной квартиры. Входная дверь — точнее, то погнутое, истерзанное месиво из металла, что от нее осталось — с глухим, страшным стуком захлопнулась, и на двадцать третьем этаже снова воцарилась звенящая, мертвая, какая-то стерильная и удушливая тишина.

Мы продолжали сидеть на холодном полу лоджии, не двигаясь и практически не дыша, наверное, минуты три. Было слышно только, как осенний минский ветер свистит в разбитом панорамном окне гостиной, и как бешено, наперегонки колотятся наши сердца. Марти под моей рукой наконец перестала рычать, но её тело продолжало мелко, судорожно содрогаться.

— Ром… — прошептала я, чувствуя, как новые, горячие слезы бессилия катятся по моим щекам, размывая тушь. Я повернулась к нему, ища глазами его взгляд, нуждаясь в нем, как в глотке воздуха. — Ром, господи, что нам делать? Десять миллионов долларов… Это же бред какой-то… Так не бывает в жизни, Ром! Нас убьют? Они нас не обманут?

Рома медленно опустился на колени прямо рядом со мной на плитку, отбросил в сторону ставшую бесполезной железку, обнял меня своими большими руками за плечи и с силой прижал к себе. Я уткнулась лицом в его шею, чувствуя, как его самого бьет крупная, нервная, неконтролируемая дрожь. Его маска холодного циника, его вечная броня из иронии окончательно рассыпалась в прах. Он был напуган так же, как и я.

— Не знаю, Кэт, я не знаю, что делать, — хрипло, сорванным, совершенно неузнаваемым голосом ответил он, нежно целуя меня в висок, в глаза, стирая губами мои слезы и убаюкивая в своих объятиях. — Но такая астрономическая сумма говорит лишь об одном: масштаб этой катастрофы в миллионы раз больше, чем одна огромная змея в многоэтажке.

Я осторожно подняла свой телефон, который все еще лежал в моей руке. Экран светился как безумный. Уведомления из ТикТока и Инстаграма летели сплошным, нечитаемым, бешеным водопадом, экран буквально раскалился. Счетчик просмотров под моим минутным роликом перевалил за отметку в несколько миллионов и продолжал крутиться с огромной скоростью. Мир сошел с ума. Люди со всего земного шара пересылали это видео друг другу, тегали официальные аккаунты МЧС, международные новостные агентства, CNN, BBC, строчили тысячи комментариев в секунду, спорили, ругались, обвиняли нас во лжи, молились за нас. Нас искали. Весь интернет прямо сейчас пытался понять, кто мы такие, где этот дом. И в то же самое время мы были в абсолютной, глухой, звенящей и стерильной изоляции на своем двадцать третьем этаже, полностью отрезанные от реальной помощи, запертые один на один со Шрамом и его «щедрым предложением».

Это были самые настоящие, изнуряющие муки выбора без самого выбора. Оставлять правду в сети, упереться рогом и идти до конца казалось абсолютно бессмысленным, суицидальным шагом: эти люди в серо-стальной броне всё равно заблокируют наши каналы через свои магистральные шлюзы, зачистят сервера или найдут способ выставить нас сумасшедшими хайпожорами, наркоманами, попутно превратив нашу жизнь в бесконечный ад из закрытых допросов и преследований. С другой стороны — огромные, фантастические деньги, за которые мы должны были прямо сейчас продать реальность, предать собственную память, растоптать то, что видели своими глазами, и начать вдохновенно врать всему миру. Продать свою душу за десять миллионов цифровых монет.

Мой мозг судорожно, на остатках логики, привыкшей разруливать кризисы на площадках, пытался выстроить хоть какую-то связную цепочку, найти хоть одну лазейку. Почему это существо так тщательно, так маниакально скрывают? Почему за обычное, пусть и аномально гигантское животное, они готовы без малейшего колебания выложить десять миллионов? Если бы это был просто сбежавший тайный питомец какого-нибудь безумного олигарха из Ратомки или экзотический контрабандный зверь, наше МЧС бы уже вовсю давало официальные успокаивающие комментарии по телевидению, пресса писала бы статьи в духе «Минчане, спокойствие, крокодил пойман», а владельцу выписывали огромный штраф. Но тут всё было совер-

шенно иначе… Жесткое военное оцепление в центре Минска, вертолет, профессиональные, безликие люди в непонятной высокотехнологичной броне, которые усыпили монстра за считанные секунды и увезли в неизвестном направлении на машинах без знаков.

Значит, это не природа. Это не эволюция. Это что-то глубоко секретное, государственное или международное. Какая-то тайная подпольная лаборатория, прорыв в биологии, военный или генетический эксперимент, который полностью вышел из-под контроля ученых. Существование такой твари в один миг ломает, уничтожает всю привычную и безопасную картину мира обывателей. Если люди узнают, что в обычных жилых домах, через вентиляцию, подвалы или окна, могут прорваться двенадцатиметровые доисторические хищники, начнется глобальная, неуправляемая паника. Рухнут финансовые и фондовые рынки, закроются города, остановится бизнес, люди элементарно будут бояться выходить на улицы за хлебом или вести детей в школы. Начнется хаос. Может поэтому они готовы отдать десять миллионов двум обычным свидетелям. Для них это копейки, пыль, просто мелкий расходный материал, кодовая заглушка, лишь бы намертво удержать крышку этого кипящего котла и замять инцидент до того, как независимые эксперты и дотошные журналисты начнут задавать правильные вопросы.

— Ром… — я подняла на него свои опухшие, заплаканные глаза, вытирая мокрые щеки рукавом его черной футболки, чувствуя, как меня бьет крупная дрожь. Мой голос превратился в едва различимый шепот. — У нас осталось чуть больше часа. Нам нужно решить прямо сейчас. Мы либо стираем всё, забираем эти миллионы и до конца своих дней врем всему миру, притворяясь сумасшедшими хайпожорами… либо мы остаемся с этой правдой один на один, и они нас просто уничтожат. Морально, физически, финансово, как угодно. Они сотрут наши личности, Ром. Нас не станет.

Рома молча, аккуратно взял из моих рук раскалившийся телефон, посмотрел на бесконечную, летящую с бешеной скоростью белую ленту комментариев в ТикТоке, а затем перевел свой ледяной, но полный глубокой, нечеловеческой боли взгляд на меня. Он прижал свою ладонь к моей щеке, стирающим движением большого пальца останавливая очередную слезу. В его глазах я видела отражение собственного страха.

— Самое паршивое во всем этом, Кэт… — тихо, почти беззвучно, прямо мне в губы произнес он, и его голос задрожал. — Что если мы выберем эти чертовы деньги и послушно удалим видео, пойдем у них на поводу… мы с тобой все равно никогда больше не сможем спать спокойно. Ни в этой квартире, ни в этом городе, ни на каком-нибудь гребаном тропическом острове. Мы всегда будем ждать, что дверь снова откроется.

Марти над моей головой, словно в финальное, неопровержимое подтверждение его слов, тихо, жалобно и очень протяжно, с каким-то истошным надрывом мяукнула. Она словно тоже говорила на своем кошачьем языке, что наше уютное, ленивое утро вторника с пармезаном и пижамами с корги закончилось навсегда, обратного пути в безопасный, теплый мир больше нет, и нам придется учиться выживать по совершенно новым, жестоким и чужим правилам.

Глава 4

Время утекало сквозь подрагивающие пальцы с пугающей скоростью, словно сухой песок в разбитых песочных часах. На экране моего смартфона, заляпанного пятнами Роминой запекшейся крови, безжалостно загорелись цифры: 15:40. До возвращения Шрама и его безликой команды оставалось меньше часа — несчастные пятьдесят минут, а мы всё ещё сидели на холодном полу нашей стеклянной лоджии, тесно прижавшись друг к другу среди немых обломков нашей прошлой, понятной, теплой и абсолютно безопасной жизни.

— Ром… у нас ведь действительно нет другого выхода, — тихо, почти беззвучно выдохнула я, утыкаясь лбом в его крепкое плечо. Я перевела затуманенный взгляд на экран своего телефона, где количество просмотров под моим минутным роликом в ТикТоке уже перешагнуло за сумасшедшую отметку в семь миллионов и продолжало наматывать круги с нереальной скоростью. — Если мы сейчас упремся рогом, начнем качать права и строить из себя борцов за правду… они, возможно, и не станут от нас избавляться. Шрам сам сказал — это поднимет слишком много шума в сети, раз видео уже успели распространить. Но они сотрут нас в порошок иначе. Нас тупо объявят сумасшедшими террористами, подкинут в квартиру килограмм чего-нибудь запрещенного, заведут липовое уголовное дело. Из Минска мы не уедем дальше первого КПП. Нас просто закроют в СИЗО на Володарского, и никто, никогда в жизни не докажет, что мы не безумные хайпожоры и не террористы. Мы исчезнем юридически, Ром.

Муж молча, не мигая, смотрел на свои руки, лежащие на коленях. Темная кровь от глубоких кошачьих царапин, оставленных перепуганной Марти, уже успела запечься неровными, уродливыми полосами на его предплечье, но он словно полностью окаменел, превратившись в монолитную скульптуру. В его голове, я видела это по жестко сжатым челюстям, сейчас шла изнурительная битва.

— Десять миллионов долларов, Кэт, — наконец хрипло произнес он, медленно поднимая на меня свой тяжелый взгляд. Его глаза, обычно полные ироничного блеска, сейчас казались выжженными изнутри. — Это официальная цена нашей памяти. Цена того, что мы послушно закроем глаза, зажмем уши и сделаем вид, будто прямо сейчас по улицам нашего Минска в закрытых фургонах не возят доисторического монстра. Нас покупают. И самое паршивое, самое мерзкое во всем этом… что цена адекватная. Мы согласимся, Кэт. Потому что мы с тобой — не бессмертные супергерои из голливудских блокбастеров. У нас лапки, мы ничего не сможем сделать.

Я судорожно сглотнула ком, подступивший к самому горлу. Мне было физически, тошнотворно мерзко от нашего собственного бессилия перед этой безликой, всемогущей машиной. Нас ломали, вежливо, завернув смертельную угрозу в блестящую, невероятно дорогую обертку из колоссальных денег.

— Да, мы согласимся, Ромка. Ради нас самих, — я бережно покрутила в руках смартфон, чувствуя, как моя натура бунтует против этой капитуляции. — Но мы не сдадимся им полностью. Мы оставим себе скрытый козырь. Смотри сюда.

Я заговорщицки приблизила свое лицо к его уху, разблокировала галерею телефона и повернула экран так, чтобы Роме было хорошо видно.

Там, в самом конце папки с недавними файлами, лежало еще одно видео. Второе. То самое, которое я успела снять на чистом инстинкте из самого дальнего угла лоджии, пока мы сидели на полу и ждали неминуемой гибели. На нем не было смазанных кругов чешуи в темноте прихожей — на нем в идеальном качестве, при ярком дневном свете, было зафиксировано, как трое мужчин в серо-стальных скафандрах профессионально спускаются на тросах по фасаду, как глухо и слаженно хлопают их ружья, как дротики один за другим вонзаются в толстую шею монстра, и как огромная, матово-черная двенадцатиметровая туша падает в грузовую сетку на

фоне проспекта Победителей. Это видео было неопровержимым, уничтожающим доказательством существования организации. Его нельзя было списать на графику или ИИ — на записи отчетливо читались бортовые номера вертолета, были видны лица альпинистов, когда они на секунду сдвинули визоры шлемов, и до мельчайших подробностей просматривались архитектурные детали фасада нашего собственного дома. Это видео я опубликовать не успела. Оно было чистым.

— Ого… — Рома резко подался вперед, его глаза мгновенно, лихорадочно блеснули азартом. — Ты… ты успела снять финал зачистки? На этот телефон?

— Да. Ром, послушай, ты можешь сделать так, чтобы они его не нашли при проверке? Если Шрам и его люди заставят нас удалить вообще всё со смартфонов, проверят наши облачные хранилища iCloud и Google Диск — они его сотрут за секунду. Ты можешь залить его туда, куда никто в этом мире, кроме тебя, не доберется? Пусть лежит. Как наша личная страховка. Если они решат нас кинуть с деньгами, или если с нами потом что-то случится… мир должен будет узнать правду. Ну, или хотя бы просто сохраним это для себя. Как вещдок того, что мы не сошли с ума в эту среду.

Рома пару секунд пристально, не мигая смотрел мне в глаза, словно считывал мой внутренний код, а потом на его бледном, осунувшемся лице впервые за весь этот кошмарный день появилась жесткая, упрямая и очень характерная усмешка. В нем наконец-то проснулся профессиональный азарт высококлассного разработчика, которому бросили вызов на его родной территории. Он осторожно погладил меня по щеке, пачкая кожу следами запекшейся крови, и тихо произнес:

— Ну ты даешь. Скрытый сервер, говоришь? Хакнуть систему Шрама прямо на их глазах? Что ж, задача для обычных безопасников из КГБ или ЦРУ действительно невыполнимая. Если это правительственная структура, их кибер-отдел вскроет любую стандартную учетку за пару минут. Нам нужно кое-что иное. Он быстро побежал в гостинную и принес оттуда свой ноутбук, решительно сев по-турецки прямо на холодную плитку лоджии, начал бешено, с нереальной скоростью стучать пальцами по клавиатуре. На дисплее замелькали консольные приложения, строчки терминала и бесконечные скрипты на Python. Я смотрела на него снизу вверх, затаив дыхание, и чувствовала, как внутри моей души зарождается крошечный, но невероятно важный узелок сопротивления. Мы подчиняемся их правилам, да. Но мы оставляем за собой последнее слово в этом коде.

— Так, смотри, — Рома не отрывался от экрана, его лицо причудливо освещалось синеватым, мертвенным сиянием дисплея. — Я прямо сейчас поднимаю приватную ноду в децентрализованной файловой сети IPFS. Твой тяжелый файл режется алгоритмом на сотни зашифрованных, мелких кусков и распределяется по случайным серверам и компьютерам-участникам по всему миру. Чтобы его собрать обратно в один читаемый ролик, нужен уникальный приватный ключ — сложная хэш-функция, которую я прямо сейчас зашиваю в исходный код одной старой, безобидной мобильной игрушки-головоломки, которую сам же когда-то написал и выложил в GitHub. Для любого проверяющего мой телефон будет девственно чист. На серверах — пустота. А видео будет жить в мировой сети вечно, в виде зашифрованного шума, пока я не введу секретный пароль из тридцати символов, —он быстро достал свой телефон из кармана, но потом резко остановился и замер на доли секунд, взвешивая все за и против— заливай файл через AirDrop на мой рабочий шлюз.

Я быстрыми, трясущимися пальцами перебросила ему тяжелый исходник. Индикатор загрузки на экране полз мучительно, невыносимо медленно. Каждая секунда в этой звенящей тишине лоджии казалась нам часом. Сердце ухало где-то в районе ребер, отдавая глухой болью: «Успеем? Не успеем? Вдруг Шрам вернется раньше?». Наконец, телефон Ромы коротко, победно завибрировал. 100%. Загрузка завершена. Куски запретного видео безвозвратно растворились в бескрайнем мировом киберпространстве.

— Готово, Кэт, — Рома глубоко выдохнул, закрывая терминал и пряча телефон глубоко в карман. Его лицо снова стало привычно спокойным. — Наша страховка оформлена. А теперь самая мерзкая часть нашего уговора. Удаляй оригинал со своего телефона. И пиши этот проклятый пост.

Пальцы откровенно дрожали и не слушались, когда я заходила в свои соцсети. Разделы комментариев под обоими роликами уже напоминали бурлящий, безумный котел: люди требовали ответов, строили дикие теории, кто-то писал, что уже выезжает к нашему дому на Немиге с камерами. Мне было искренне стыдно перед всеми этими людьми. Они поверили мне, они испугались за нас с Ромой, а теперь я должна была собственноручно плюнуть им в лицо тщательно выверенной ложью.

Я включила фронтальную камеру, поправила растрепанные волосы и записала короткую «говорящую голову» в сторис, изо всех сил стараясь, чтобы мой вымученный, дрожащий от пережитого ужаса голос звучал как можно более естественно и легкомысленно:

— Всем привет… Ребята, извините, пожалуйста, за этот дикий, безумный переполох в ленте! Видео с гигантской змеей — это полный фейк. Мы с мужем просто тестировали новую сложную нейросеть для генерации реалистичных видеоэффектов в реальном времени. Рома написал крутой скрипт рендера чешуи, а я, как ученица киношколы в прошлом, решила проверить себя в качестве актера и немного хайпануть. Не думала, что это зайдет так далеко и поднимет такую панику! МЧС никуда не едет, у нас всё абсолютно в порядке, шторм в комментариях отменяется. Еще раз простите за этот глупый пранк! Мы всех любим!

Я нажала кнопку «Опубликовать» и следом, зажмурившись от отвращения к самой себе, удалила оба вирусных ролика из ТикТока и Инстаграма, очистив даже папку «Недавно удаленные». Видео исчезли. Счетчик просмотров обнулился, оставив после себя лишь миллионы недоуменных вопросов, мгновенно посыпавшихся в личные сообщения. И в этот же самый момент мобильный интернет на моем телефоне внезапно пропал — значок 5G сменился на глухой, пустой крестик. Нас планомерно, аккуратно отрезали от внешнего мира.

Ровно в 16:30, минута в минуту, в прихожей нашей квартиры снова страшно и отчетливо захрустели осколки разбитых зеркал.

Шрам вернулся не один. За его широкой спиной в спальню молча, без единого звука вошли еще четверо мужчин в одинаковых темно-серых рабочих комбинезонах без опознавательных знаков. В руках они держали черные пластиковые кейсы и профессиональные строительные инструменты.

— Время вышло, — Шрам остановился на пороге лоджии, по-прежнему держа шлем под мышкой и скрестив мощные руки на груди. Его каменное лицо не выражало абсолютно ничего.

Я, не говоря ни слова, протянула ему свой телефон. Он молча взял его своими огромными пальцами, зашел в настройки, проверил мои приложения, удаленные файлы, системную корзину, внутренний кэш устройства. Затем проделал то же самое с основным рабочим ноутбуком Ромы, который стоял на кухонном столе. Его люди в это время, не теряя ни секунды, уже вовсю, слаженно и монотонно работали в нашей гостиной. Из комнат доносился странный шум, визг шуруповертов и глухие удары.

— Видео удалено со всех носителей, официальное опровержение уже висит в сторис, — тихо, глядя в пол, сказала я, сильнее прижимая к себе Марти. — Интернет нам, я так понимаю, ваши люди уже отключили?

— Временные технические меры, в радиусе километра. Через час всё заработает в штатном режиме, — Шрам небрежным движением вернул мне смартфон. На его жестком лице со шрамом не отразилось ни удовлетворения, ни облегчения от выполненной работы. Он просто поставил очередную невидимую галочку в своем внутреннем списке системных задач. — Теперь наша часть сделки. Через час проверьте свои криптокошельки через наш защищенный локальный шлюз. Десять миллионов долларов уже зачислены на ваш адрес. Советую вам пере-

вести их на холодный обособленный носитель и не светить крупными покупками в Минске как минимум в ближайший год. Мы любим тишину.

То, что происходило в нашей квартире в следующие три часа, можно было назвать только одним емким словом — пугающая магия. Или идеально, до автоматизма отлаженный годами протокол зачистки территории.

Люди в серых комбинезонах работали с какой-то нечеловеческой, конвейерной скоростью, не произнося при этом ни единого лишнего слова. Они аккуратно вынесли разнесенную в щепки деревянную дверь соседей напротив и нашу истерзанную бронированную входную дверь, заменив их на абсолютно новые, пахнущие заводской краской двери — точно такие же, какие у нас стояли. Ни единой царапины на откосах, ни одного лишнего зазора в петлях. Из нашей гостиной полностью исчезли разбитый змеей стеллаж с книгами и сломанный пополам зеркальный шкаф-купе — вместо них рабочие за пару часов собрали абсолютно идентичную мебель. Они заменили треснувшие панорамные стекла на лоджии и в гостиной, за секунды зашпаклевали и закрасили глубокие трещины на бетонных стенах прихожей, идеально подобрав цвет краски точь-в-точь в тон нашей дизайнерской отделки.

И самое жуткое, самое параноидальное во всем этом — они тщательно пропылесосили и вымыли абсолютно всю квартиру какими-то мощными, едкими химикатами. Исчез влажный, липкий след змеи на паркете, полностью испарился удушливый запах озона. Исчезли даже мелкие белые крошки штукатурки с моего университетского худи — один из молчаливых рабочих просто подошел ко мне, протянул мне из герметичного пакета точно такое же новое, чистое худи моего размера, забрал мое старое и убрал его в утилизационный мешок. Они стирали реальность. Прямо на наших глазах.

К семи вечера наша просторная квартира на двадцать третьем этаже выглядела так, словно никакой чудовищной катастрофы здесь никогда не происходило. Чистота вокруг была стерильной, идеальной и оттого — пугающей до дрожи. Порядок, доведенный системой до абсолютного, звенящего абсурда.

Я, всё еще не веря своим глазам, осторожно приоткрыла новую входную дверь и выглянула в общий коридор. Тяжелая дверь тихих пожилых соседей напротив сияла девственной новизной. Самих соседей дома по-прежнему не было слышно.

— А… простите, а где наши соседи? Дядя Миша и тетя Люба? — тихо спросила я у Шрама, который стоял посреди нашей прихожей и контролировал финальный этап уборки. — Они ведь должны были как раз сегодня к вечеру вернуться со своей дачи под Минском? Нам… нам нужно им что-то сказать?

Шрам медленно повернул свою голову ко мне. Его серый взгляд стал еще холоднее и пустее, если это вообще было возможно в нашей вселенной.

— Ваши соседи приняли мудрое решение продлить свой загородный отпуск, — ровно, без единой интонации отчеканил он. — Им сделали предложение, от которого нельзя отказаться. Что касается консьержа вашего дома, старика дяди Вити… он тоже оказался на редкость сговорчивым и разумным человеком. С завтрашнего утра он официально уходит на заслуженную пенсию по состоянию здоровья и экстренно переезжает в новый, роскошный загородный дом, о котором мечтал всю свою жизнь. Все свидетели этого досадного инцидента в вашем доме согласились сотрудничать с нами и мы щедро вознаградили их за это. Мы умеем и любим решать проблемы мирным путем, но до тех пор, пока с нами сотрудничают.

— И помните про наш уговор. Второй шанс наша организация никому не дает. Никогда.

Он медленно взял свой серый шлем, надел его на голову, и темный зеркальный визор плавно, с тихим гидравлическим щелчком опустился вниз, навсегда превращая его лицо в безликую, отражающую свет маску.

Они ушли так же тихо, организованно и незаметно, как и появились три часа назад, аккуратно прикрыв за собой новую, безупречную дверь. Они оставили нас двоих посреди идеально

чистой, стерильной, но теперь — абсолютно чужой, мертвой квартиры. Мы с Ромой молча стояли посреди гостиной, боясь даже обняться. Из-под нового, пахнущего мебельным лаком дивана медленно, ус за усом, настороженно выползала Мортиша. Она понюхала паркет, недовольно чихнула от резкого запаха незнакомой химии и посмотрела на нас своими огромными, круглыми желтыми глазами, словно спрашивая на своем кошачьем языке: «И что мы, черт возьми, будем делать со всем этим дальше, люди?».

Рома быстро глянул в свой телефон через указанный Шрамом шлюз. Я увидела, как глаза моего мужа на секунду округлились до предела. На балансе его скрытого кошелька действительно светилась немыслимая, ломающая сознание цифра с кучей нулей. Десять миллионов долларов. Мы официально, в один клик, стали долларовыми мультимиллионерами. Но радоваться этому не хотелось абсолютно — внутри моей души была лишь выжженная, серая и холодная пустыня. Нас купили.

Глава 5

Прошел ровно месяц с того безумного дня, как наша некогда уютная, залитая солнцем квартира на Немиге окончательно и бесповоротно превратилась в стерильную золотую клетку. На зашифрованном холодном криптокошельке Ромы неподвижным, мертвым грузом лежали десять миллионов цифровых долларов. Мы не потратили из них ни единого цента. Оказалось, что когда ты внезапно становишься мультимиллионером при столь жутких, ломающих психику обстоятельствах, последнее, о чем ты думаешь в этой жизни — это покупка нового пафосного спорткара или роскошной виллы где-нибудь на побережье. Всё, чего нам хотелось — это вернуть то ленивое, абсолютно безопасное утро среды, когда самым страшным и наглым существом в доме была Мартышка, ворующая пармезан. Но Минск не забыл. Интернет помнит все, особенно журналисты, которые каждый день пытались урвать хоть маленький кусочек нашего хайпа.

Мое неловкое, записанное на дрожащую фронтальную камеру опровержение про «нейросети, графику и глупый пранк» сработало в медиапространстве с точностью до наоборот. Человеческая психология устроена странно: чем громче и отчаяннее ты кричишь, что история — фейк, тем сильнее люди убеждаются, что от них пытаются что-то скрыть. Первую неделю ТикТок и Инстаграм буквально разрывало от безумных конспирологических теорий. Миллионы пользователей по всему миру стоили догадки, разбирали мое поспешно удаленное видео, которое сотни расторопных юзеров успели сохранить до того, как Шрам активировал протоколы тотальной зачистки.

Интерес к нашей истории не просто не угасал — он рос как запущенный с горы снежный ком, безжалостно подминая под себя остатки нашей частной жизни.

— Кэт, отойди от окна. Пожалуйста, — негромко, но пугающе ровно произнес Рома, даже не отрывая взгляда от своих мерцающих мониторов.

Я вздрогнула, поспешно задернула плотную тяжелую штору в гостиной, отрезая нас от внешнего мира, и устало, тяжело вздохнула. Внизу, прямо у въезда во двор нашего охраняемого жилого комплекса, уже третий день подряд демонстративно дежурила серебристая машина с логотипом одного из крупных независимых медиа. Чуть дальше, на гостевой парковке, словно врос в асфальт, стоял фургон с тонированными стеклами. Из него периодически, как по часам, выходил мужчина в натянутой на глаза кепке с огромным профессиональным телеобъективом и целенаправленно направлял его вверх, на наши панорамные окна.

Мы оказались под плотным, удушающим прицелом. Репортеры, наглые независимые журналисты, блогеры-расследователи всех мастей и просто безумные охотники за сетевым хайпом караулили нас круглосуточно, сменяя друг друга группами. Нашу электронную почту завалили сотнями официальных писем с предложениями о часовом интервью за любые, просто баснословные деньги. Крупные международные телеканалы буквально оборвали мне директ, умоляя подписать эксклюзивные контракты на съемки документального фильма. Личный телефон Ромы, несмотря на все его сложные блокировки, прокси-серверы и фильтры, непрерывно разрывался от звонков с неизвестных, скрытых номеров. Нас преследовали как диких зверей. Желание вытащить из нас крупицы правды стало для современной медиаиндустрии настоящим, маниакальным пунктом бзика.

Но самым страшным во всей этой истории было вовсе не это внешнее, шумное и навязчивое преследование. Куда больше нашу маленькую семью пугала звенящая, мертвая тишина, исходящая с совершенно другой стороны.

— Они следят за нами, Кэт. Причем следят на таком уровне, который не снился ни одной официальной спецслужбе, — тихо, практически беззвучно произнес Рома. Муж снял свои большие наушники и мягким жестом подозвал меня к своему рабочему столу, уступая

половину геймерского кресла. Он бережно приобнял меня за талию, прижимая к своему боку. Его инстинкт защиты в условиях этой паранойи обострился до предела — он словно пытался закрыть меня от невидимых глаз. — Посмотри внимательно на трафик нашего домашнего роутера.

Я испуганно взглянула на центральный монитор, где Рома открыл сетевой анализатор пакетов. Среди стандартных, понятных потоков данных четко, жирным маркером выделялся скрытый, намертво зашифрованный поток, который уходил на какой-то неизвестный внешний сервер ровно каждые пять минут.

— Нас пишут, Кэт, — Рома устало потер глаза, и в его голосе проступил ледяной холод. — Наши мобильные телефоны, смарт-ТВ в спальне, даже встроенный микрофон в роботе-пылесосе — абсолютно всё в этой стерильной квартире прямо сейчас стоит на постоянной удаленной прослушке. Я вчера попытался локально поставить программную глушилку на этот порт, но ровно через десять минут у нас во всем крыле дома вырубился свет. Сигнал понятен. Эти ребята из «черного круга» держат нас на очень коротком, удушающем поводке. Они дали нам эти миллионы, но навсегда забрали базовое человеческое право на конфиденциальность. Любое наше неверное слово, даже случайный шепот в постели — и они мгновенно активируют те самые «экстренные меры».

Паранойя незаметно, но прочно стала нашей третьей половинкой, постоянным безмолвным жильцом в квартире. Я медленно ломалась под этим прессом. Мы общались дома исключительно едва различимым шепотом на ухо, а для обсуждения важных вещей использовали детскую маркерную доску: быстро писали записки фломастером и тут же яростно стирали их черной губкой в порошок. Каждый раз перед выходом на улицу мы параноидально проверяли одежду. И теперь я бегала за Ромой с липким валиком не только для того, чтобы очистить его любимые черные худи от вездесущей шерсти Марти, но и для того, чтобы панически выискивать на ткани возможные скрытые жучки или направленные метки.

В один из вечеров, когда сидеть в четырёх стенах этой стерильной крепости стало окончательно невыносимо, я решила сходить в ближайший супермаркет за продуктами. Наша Марти, которая после пережитого в среду ужаса стала невероятно ручной, капризной и пугливой, наотрез отказывалась есть обычную еду, требуя свой любимый элитный паштет.

Стоило мне сделать всего один шаг за пределы нашего подъезда, как из-за декоративного куста тут же, словно из-под земли, выросла молодая фигура с направленным микрофоном-петличкой. Девушка с горящими, фанатичными глазами буквально преградила мне дорогу, едва не ткнув техникой мне в лицо:

— Екатерина! Екатерина, здравствуйте! Я ведущая независимого канала «Минск-Таймс». Буквально один короткий вопрос для нашего эфира: ваше вирусное видео со змеей — это действительно компьютерная графика и ИИ? Но почему тогда ваши пожилые соседи напротив нигде нет,, а ваш консьерж дядя Витя внезапно уволился, купил элитный особняк под Минском и удалил все свои аккаунты? Что вы скрываете от общественности? Вам угрожают?!

Я почувствовала, как мое сердце заколотилось с бешеной скоростью в ту же секунду, я растерялась, спина под пуховиком моментально стала ледяной и мокрой от паники. Из глубины двора, у фургона, на меня уже наводили массивную камеру. Вспомнились слова Шрама: «Второй шанс мы никому не даем».

— Я уже… я уже всё четко сказала в своем блоге, — выдавила я из себя, изо всех сил стараясь, чтобы мой вымученный голос не дрожал от страха. Я сделала шаг в сторону, пытаясь обойти журналистку. — Это был обычный пранк. Качественная 3D-графика. Всего вам доброго.

Я буквально прорвалась сквозь нее, почти сорвавшись на бег по направлению к ярко освещенному супермаркету. Назад, домой, я возвращалась глухими темными дворами, путая

следы между детскими площадками и гаражами, чувствуя себя опасной преступницей в своем городе.

Когда я, едва дыша, заскочила обратно в квартиру и заперла дверь на все наши новые, блестящие замки, Рома сидел за столом абсолютно бледный. В его руке был зажат старый, отключенный от сети и, казалось бы, совершенно чистый телефон — тот самый рабочий аппарат, на который он тайно залил нашу секретную видеостраховку в децентрализованную сеть через скрытый код старой игрушки.

— Кэт… подойди сюда. Посмотри на это, — едва слышно шепнул он, протягивая мне экран устройства. Его пальцы заметно дрожали.

На дисплее висело одно-единственное текстовое сообщение в защищенном автономном мессенджере от аккаунта без имени, подписи и аватарки. Оно пришло пару минут назад, обойдя все блокировки.

«Здравствуйте, Катя и Рома, я знаю, что двенадцатиметровая змея на Немиге была настоящей. Если вы хотите выжить в этой игре — нам необходимо встретиться. дам вам ответы. Завтра в 19:00. Центральный ботанический сад, прямо возле старой стеклянной оранжереи. И оставьте все свои гаджеты и телефоны дома».

Я медленно подняла глаза и посмотрела на Рому. В его серых зрачках сейчас отражался точно такой же немой, парализующий ужас и дикие, разрывающие мозг сомнения, что и в моих. Кто это? Дотошные журналисты-фанатики, которые устроили эту невероятно сложную, тонкую ловушку ради мировой сенсации? Или какая-то другая, еще более могущественная тайная организация, которая давно и плотно копает под наших «знакомых» в серо-стальных костюмах?

Мортиша внезапно бесшумно запрыгнула на тумбу в прихожей прямо возле нас, вытянулась в струнку и тихо, очень требовательно мяукнула, прерывая эту звенящую, мертвую тишину. Круг окончательно замкнулся. Нас преследовали журналисты, за нами круглосуточно через домашнюю технику следили спецслужбы, а теперь неизвестные тени предлагали нам опасную игру, ставка в которой — наша жизнь.

Глава 6

Идти на встречу без гаджетов, вслепую, доверившись анониму из мессенджера — это было чистым безумием. Шагом в бездну, где правила диктовал кто-то невидимый. Но продолжать сидеть в этой квартире, где даже стены, казалось, тихонько шуршали и подмигивали невидимым цифровым кодом, было еще большим сумасшествием. С каждым часом это пространство давило на нас сильнее, высасывая воздух. К тому же я постоянно прокручивала в голове слова Шрама. Его ледяной тон, выжженный в памяти, зафиксировал четкие границы: нам запретили распространяться в СМИ и социальных сетях. Но нам никто не запрещал выходить на улицу, покупать продукты или просто дышать воздухом. Фактически, по их же извращенной логике, мы были абсолютно чисты. Но в реальности — заперты в глухом, невидимом цифровом концлагере, где каждый наш вздох препарировался на удаленных серверах.

Паранойя зашкаливала, превращая обычные мысли в бесконечный, изнуряющий кошмар. В 17:30 мы начали наш маленький домашний спектакль. Рома подошел к большой маркерной доске в коридоре и размашистыми, резкими движениями написал на ней: «Говори громко. Больше эмоций. Жалуйся на журналистов. Мы просто идем гулять». Он швырнул маркер на пол, и этот пластиковый стук показался мне выстрелом.

— Кэт, я больше не могу, у меня сейчас крыша поедет! — Рома театрально, в полный голос вздохнул. Его лицо оставалось каменным, но в глазах горело бешеное напряжение. Он с силой швырнул тяжелую диванную подушку прямо в стену — туда, где за обоями, по его инженерным расчетам, в розетке мог скрываться один из направленных микрофонов зачистки. — Эти гребаные репортеры под окнами меня просто достали! Сутки напролет торчат на парковке! В глазах уже рябит от их бесконечных вспышек и длинных объективов. У меня код ложится, я сосредоточиться на архитектуре проекта не могу! Баги лезут один за другим, тимлид орет! А в интернете… в интернете тонны этого вонючего шлака про нас, каждый второй блогер пытается уличить нас во лжи! Давай просто вырубим всё. Вообще всё к чертям собачьим!

— Поддерживаю, Ром, у меня самой уже сил никаких нет, — я мгновенно включилась в эту опасную игру, используя весь свой наработанный азарт. Мой голос дрожал, но теперь — наполовину фальшиво, наполовину от реального страха, который липкой лентой стягивал грудную клетку. — У меня от этой постоянной вибрации телефона в кармане уже настоящий нервный тик начался. Экран горит без остановки. Давай оставим весь этот гребаный цифровой мусор здесь, дома. Снимем умные часы, выключим ноутбуки, бросим мобильные прямо тут, на тумбочке в прихожей. Я хочу просто погулять, понимаешь? Пройтись по вечернему городу, подышать прохладой, пока голова окончательно не взорвалась от этого давления. Без звонков, без тупых уведомлений, без этих сумасшедших журналистов с камерами. Пусть смотрят на пустые окна!

Мы начали демонстративно, с характерным, нарочито громким стуком выкладывать наши гаджеты на деревянный комод в прихожей. Сначала мой смартфон, затем Ромин рабочий аппарат, следом — смарт-часы. Рома даже специально, с силой щелкнул тумблером выключения на переходнике, который стоял на его рабочем столе, заставив технику издать прощальный электронный писк. Экраны погасли, отразив наши бледные, испуганные лица.

Затем мы начали быстро, лихорадочно переодеваться, стараясь не смотреть друг другу в глаза. Внутри меня всё кричало: «Что мы делаем? Нас ведь раскроют!». Рома впервые за долгие годы полностью изменил своему монохромному, «стильному» гардеробу. Он выудил из самого дальнего угла шкафа блеклую, потертую серо-коричневую куртку, которую мы сто лет назад покупали для редких осенних поездок на дачу к родителям, и натянул глубокую, старую бейсболку, козырек которой практически полностью затеняет его лицо.

Я залезла в огромный, бесформенный оверсайз-пуховик болотного цвета, полностью скрывающий фигуру, убрала свои светлые волосы под самую невзрачную, серую вязаную шапку и замоталась массивным шерстяным шарфом до самого носа, оставив лишь узкую щелку для глаз. В таком виде на осенних, промозглых улицах Минска мы выглядели как две безликие, размытые серые тени — уставшие горожане, которые сливаются с вечерней толпой у метро за долю секунды.

Мортиша проводила нас долгим, пристальным и подозрительным взглядом со своего наблюдательного поста на высоком шкафу в прихожей. Брать её с собой в Ботанический сад было чистым самоубийством — кошка могла запаниковать на улице, а массивный пластиковый бокс в наших руках мгновенно привлек бы ненужное внимание наблюдателей из фургона на парковке. Моё сердце разрывалась, когда я оставляла её здесь, но так будет куда безопаснее. Я подошла к шкафу, встав на цыпочки и со всех сил вытягивая руку вверх, погладила по пушистой лапе, так как только до неё смогла дотянуться и заглядывая в желтые глаза, которые явно издавали недовольство, тихо произнесла:

— Мы скоро, Мышка. Сиди тихо. Мы любим тебя.

Я насыпала ей в миску двойную порцию супер пупер премиум корма, эта градация качества кормов меня всегда забавляла, но не в этот раз, сейчас меня трясло от неизвестности, мысленно помолившись всем богам, чтобы мы вернулись в эту квартиру живыми и перекрестившись, я открыла входную дверь.

Вместо того чтобы вызвать лифт, который со стопроцентной вероятностью отслеживался внутренними системами нашего умного дома и мог зафиксировать вес, мы тихо, как воры, шмыгнули в тяжелую металлическую дверь пожарной лестницы.

Двадцать три этажа вниз по крутым, полутемным бетонным ступеням, в гулкой, пахнущей сырой штукатуркой и цементом тишине — это был лучший фитнес для двух параноиков, у которых на кону стояли жизни. Шаг, еще шаг. Эхо от наших шагов поднималось вверх и вниз по пролетам, и каждый раз, когда где-то далеко внизу хлопала техническая дверь, мы замирали, вжимаясь в холодный бетон. Сердце бухало в ребра с такой силой, что, казалось, этот стук разносился по всей шахте дома. Ноги гудели, колени подкашивались от физического и ментального напряжения. Когда мы наконец аккуратно, на пару сантиметров приоткрыли тяжелую дверь подвального уровня и выскользнули через технический выход на задний двор комплекса, нас встретил только резкий, ледяной октябрьский ветер.

Серебристая машина репортеров все так же стояла у главного, парадного въезда во двор. Думаю, они включили обогрев салона, так как стекла полностью запотели, и журналисты лениво ждали, пока в наших окнах на 23-м этаже зажжется свет, или пока мы пафосно выйдем через центральный вестибюль, чтобы засыпать нас вопросами. Они вели охоту на медийных персонажей, не замечая двух серых теней, которые, пригнув головы и пряча лица в воротники, быстрым, семенящим шагом пересекли темный двор и мгновенно растворились в плотном вечернем потоке людей возле входа в метро. Если так подумать, когда-то я мечтала стать популярной, сделав какую-нибудь крутую штуку, а теперь мне тошно от этой популярности и преследования. Кажется, я теперь понимаю звезд, которых раздражают фанатики. А раньше я за это их осуждала…

Без единого электронного гаджета в кармане, без привычной тяжести смартфона я чувствовала себя абсолютно голым, беззащитным человеком, которого выбросили на чужую, враждебную планету. Телефон был нашей пуповиной, связывающей нас с реальностью. Но вместе с этой нарастающей паникой пришло и забытое, пьянящее, почти наркотическое чувство абсолютной свободы. Нас больше не вели по спутникам GPS. Мы не оставляли цифровых следов. Для системы Шрама в эту минуту Кэт и Рома просто перестали существовать. Мы стали невидимками в двухмиллионном городе, ну или по крайней мере, мне хотелось в это верить…

В Центральный ботанический сад мы пришли ровно к семи вечера, преодолев расстояние от метро пешком через дворы. Октябрьские густые сумерки уже плотно, тяжелым одеялом накрыли Минск. Парк казался абсолютно вымершим, зловещим и чужим. Кассы закрылись прямо перед нами, что-то мы об этом заранее не подумали когда собирались на встречу, но Рома за секунду нашел прореху в старом металлическом ограждении со стороны переулка, и мы пролезли внутрь. Под нашими ногами глухо шуршала мокрая, полусгнившая листва. В сыром воздухе отчетливо пахло подмерзшей землей, хвоей и надвигающимися ночными заморозками. Редкие, тусклые фонари на главных аллеях едва-едва пробивали эту липкую темноту, отбрасывая на дорожки длинные, уродливые тени от ветвей.

Мы медленно, стараясь не шуметь, подошли к старой стеклянной оранжерее. Её массивный, величественный купол в ночи выглядел как заброшенный, мертвый космический корабль, потерпевший крушение среди белорусских лесов. Вокруг не было ни единой живой души. Только частый шорох черных веток, свист ветра в конструкциях и наше прерывистое, испуганное дыхание. Страх еще сильнее окутал нас, но стоять на одном месте было невозможно, холод и адреналин заставляли совершать мелкие шажочки на месте.

— Ром… Как думаешь, он придет? — едва слышно, одними губами прошептала я, еще сильнее кутаясь в огромный шарф и чувствуя, как от холода и нервов начинают стучать зубы. — А если это… если это ловушка? Если Шрам просто проверяет нас?

Рома стоял рядом, бледный, с жестко сцепленными губами. Он непрерывно оглядывался по сторонам, сканируя взглядом каждый куст, каждую тень за стеклом оранжереи.

— Если это ловушка «серых», Кэт, то мы из этого парка уже не выйдем, — так же тихо, ледяным тоном ответил он, крепче сжимая мою замерзшую ладонь в своем кармане. — Но если это кто-то другой… у нас появится шанс узнать, во что мы влипли. Ждем. До упора.

Вдруг из густой, почти осязаемой черной тени вековых елей, прямо у кирпичной полуразрушенной стены оранжереи, бесшумно отделился плотный силуэт. Мужчина среднего роста, в темной спортивной куртке с накинутым глубоким капюшоном. Он шел к нам спокойным, размеренным и пугающе уверенным шагом. Моё сердце пропустило удар, а затем заколотилось с такой бешеной скоростью, что в ушах раздался гул.

Когда он приблизился почти вплотную, и блеклый желтый свет от далекого одинокого фонаря наконец-то упал на его открывшееся лицо, у меня внутри всё заледенело. Я почувствовала, как Рома рядом со мной резко, судорожно дернулся всем телом и замер, забыв сделать очередной выдох. Его рука в моем кармане сжалась так сильно, что захрустели мои пальцы, но я не издала ни звука.

Мой мозг снова намертво заклинило, точь-в-точь как месяц назад у узкой щели нашей входной двери. Я смотрела на человека, стоявшего в двух шагах от нас, и наотрез отказывалась верить собственным глазам. Разум кричал: «Этого не может быть! Это галлюцинация! Психоз!».

Перед нами стоял кто-то очень похожий на дядю Мишу, нашего тихого, вежливого, интеллигентного пожилого соседа напротив. Того самого пенсионера, из чьей разгромленной прихожей месяц назад выползло черное двенадцатиметровое чудовище. Того самого старика, который, по официальным заверениям Шрама, прямо сейчас мирно отдыхал в санатории.

Но это был не он. Точнее — абсолютно не тот старик, которого мы знали.

Перед нами стоял молодой, подтянутый парень лет двадцати пяти — тридцати. У него были абсолютно те же черты лица, та же уникальная форма переносицы, тот же разрез глубоко посаженных глаз и точно такая же маленькая темная родинка над левой бровью, как у нашего соседа-пенсионера. Но у этого человека не было ни единой морщины на лице. Его кожа была гладкой, здоровой, волосы — густыми, плотными и темно-русыми, без единого намека на привычную благородную седину дяди Миши. Его фигура под курткой была крепкой, широкой в плечах, спортивной. Он выглядел в точности как наш сосед, которого пропустили через

какой-то безумный, фантастический фильтр тотального омоложения в продвинутой нейросети, или живьем достали из старого, пожелтевшего фотоальбома тридцатилетней давности. Это было пугающе, противоестественно для законов природы и абсолютно, совершенно нереально. Парень остановился прямо перед нами, глядя в упор. Вместо того чтобы начать тихий разговор, или направить на нас оружие, его губы вдруг тронула на редкость теплая, искренняя и широкая улыбка. Он сделал уверенный шаг вперед и неожиданно громко, на весь притихший, замерзший осенний парк, воскликнул, широко раскинув руки для дружеских объятий:

— Ромка! Кэт! Ну здорово, ребята! Сколько лет, сколько зим! Ну вы и заставили же себя ждать, я уж грешным делом подумал, что вы не найдете меня в этих ботанических дебрях! Как Минск? Как ваша жизнь молодая?! Рад вас видеть, чертяки!

Он вел себя так шумно и непринужденно, будто мы были его давними, закадычными друзьями со студенческих времен, встретившимися после долгой и сложной разлуки где-нибудь на проспекте. Его молодой, звонкий и сильный голос раскатился по темной аллее, отражаясь от стекол оранжереи. Он явно, намеренно разыгрывал этот фарс для возможного наружного наблюдения «серых» или направленных микрофонов, прекрасно понимая, что за нами по пятам из самого дома могла идти слежка. Таким шумным поведением он изо всех сил пытался сбить уровень нашего дикого, парализующего напряжения, перевести стрелки на обычную дружескую прогулку. Но в его глазах в эту секунду читалось совершенно другое послание: «Подыграйте мне. Прямо сейчас. Иначе нам всем конец».

Глава 7

— Да уж, Мих, ну ты и откопал местечко для встречи! — Рома среагировал мгновенно, без сучка и задоринки. Его голос, глубокий и уверенный, прозвучал на удивление естественно для человека, у которого прямо сейчас внутри всё горело, плавилось и рушилось от паники. Мой сдержанный программист проявил чудеса хладнокровия. Он сделал широкий шаг вперед, полностью перекрывая собой обзор на меня, и бодро, по-свойски хлопнул парня по плечу. — Мы тут с Кэт чуть ноги себе не переломали в этой вашей кромешной темноте.

— Ой, не говори, Мишка, — тут же подхватила я, изо всех сил стараясь удержать на лице маску слегка капризной и легкомысленной девушки. Я выдавила из себя беззаботный, почти кокетливый смешок, хотя ладони в карманах пуховика мгновенно взмокли, а пальцы снова свело судорогой. — Мы вообще думали сегодня дома остаться, тюленями лежать и отсыпаться после всего этого дурдома в сети. Ты же видел, небось, какое шоу мы устроили?

— А как же, видел, конечно! — парень в капюшоне громко, открыто рассмеялся. Его смех звучал молодо, сильно и раскатисто. Он аккуратно, но настойчиво увлек нас за собой, ведя по узкой, заросшей тропинке всё глубже и глубже в темное нутро неосвещенной аллеи, подальше от тусклых фонарей оранжереи, к раскидистым, тяжелым вековым деревьям. — Весь интернет только об этом и гудит. Мои подписки в ТикТоке просто сошли с ума за последние пару дней. Ну вы, блин, даете, контентмейкеры!

— Да мы сами вообще не ожидали, что наше шуточное видео с ИИ получится настолько реалистичным! — я продолжала громко, отчетливо гнуть линию тотального опровержения, помня Ромино предупреждение про направленные микрофоны и жучки Шрама, которые могли прятаться на любой ветке Ботанического сада. — Ромка там на выходных что-то долго химичил со своими сложными скриптами, наложил рендер чертовой змеи на панорамный фасад нашего дома, а люди сдуру решили, что Минск штурмуют доисторические анаконды. Мы даже близко подумать не могли, что все всерьез примут эту чушь, будто она реальная! Пришлось вот экстренно записывать эту говорящую голову в сторис, объяснять, что это обычный фейк и жесткий кликбейт ради хайпа. Сами всё смонтировали, от и до, чтобы просто просмотров набрать на новый канал.

Парень весело, понимающе покачал головой, глубже засунув руки в карманы своей спортивной куртки:

— Да уж, куда катится этот мир… Нейросети и дипфейки стали настолько реалистичными, что скоро собственным глазам верить перестанешь. Молодцы, что сказать, чисто хакнули алгоритмы ТикТока!

Мы прошли еще метров двадцать под плотным, глухим прикрытием тяжелых лап елей, полностью погрузившись в вязкую, звенящую минскую темноту, куда не долетал ни один лучик света. Вдруг незнакомец резко, как вкопанный, остановился. С его лица в одно мгновение, словно ластиком, стерлась маска веселья. Окружающий мир словно замер.

— Ну тихо, тихо, ребят… — со знанием дела сочувственно и мягко произнес он, делая быстрый шаг к нам.

Широким и одновременно властным жестом он обнял нас обоих за плечи, крепко прижимая к своему телу, словно пытался по-человечески утешить после тяжелого месяца изнурительной травли в СМИ. Но это было лишь прикрытие. Он резко притянул наши головы вплотную к себе, так что мы образовали плотный, невидимый в темноте замок. И в этот момент его горячее дыхание коснулось моего уха. Голос парня мгновенно изменился. Он стал тихим, вибрирующим, опустившийся на свистящий шепот, и в нем отчетливо, без единой ошибки проступили те самые глуховатые, интеллигентные интонации нашего пожилого соседа, дяди Миши. — Это я, ваш сосед, — быстро, обжигающим, лихорадочным шепотом заговорил он нам прямо

в макушки, непрерывно сканируя темноту вокруг себя. — Слушайте меня очень внимательно и не перебивайте, у нас мало времени. За мной тоже идет плотный шлейф слежки, я чудом скинул хвост в районе Академии наук, затерявшись в переходах. Я не могу рассказать вам всё, но если кратко… Я долгие годы тайно работал на секретную правительственную лабораторию «Черного круга». Мы изучали этих змей. Точнее, их уникальный яд, который запускает экстремальную, почти мгновенную, агрессивную регенерацию клеток на глубоком уровне ДНК.

У меня на секунду перехватило дыхание, сердце пропустило удар и провалилось куда-то вниз. Я замерла, боясь шелохнуться в его крепких объятиях, чувствуя, как Рома рядом со мной превратился в абсолютно монолитное, каменное изваяние. Наш мир продолжал трещать по швам. — Десять лет назад, когда я уходил на пенсию, мне удалось совершить невозможное — вынести из лаборатории одно яйцо, которое руководство посчитало мертвым и списало на утилизацию, — продолжал шептать дядя Миша, чей биологический возраст сейчас не превышал тридцати лет. — Дома я оборудовал скрытый инкубатор. Мне удалось оживить его и вырастить змея. На протяжении всех этих лет я прятал его в квартире, обеспечивая всем необходимым, и использовал его свежий яд для собственных исследований. Я пытался повторить и завершить то, что мы делали в лаборатории. И два месяца назад…

— Мои силы тогда уже совсем на исходе были, старые болячки и онкология так прижали к стенке, что консилиум врачей давал мне от силы пару месяцев жизни, а жена…она не дождалась… — продолжал быстро, захлебываясь словами шептать дядя Миша, — Терять мне было абсолютно нечего терять, да и некого, и я на свой страх и риск вколол себе созданную сыворотку. Поначалу решил, что состав не сработал. Никакого эффекта, только температура под сорок. Я мысленно плюнул на всё, закрыл квартиру и уехал на дачу, чтобы спокойно провести остаток дней. И вот там, буквально через неделю, началось… Я стал стремительно, на глазах молодеть. Кожа разгладилась, старые шрамы исчезли, суставы полностью перестали болеть, зрение вернулось. Я зеркало в доме вдребезги разбил от шока, когда себя увидел! И сразу понял: возвращаться в Минск, в свою квартиру, мне уже нельзя. Изменения слишком явные, слишком фантастические, «серые» тут же бы меня вычислили по камерам распознавания лиц.

Он еще сильнее, до боли сжал наши плечи, его дыхание становилось всё более прерывистым и рваным от нарастающего волнения.

— Но пока я сидел на даче и соображал, что делать дальше, случилось непредвиденное. Я полагаю, что произошел какой-то технический сбой в системе подачи еды и, возможно, двухмесячный запас был съеден за пару недель. Животное в квартире осталось одно. Без еды. Оно банально оголодало и пошло искать пропитание. Чтобы вы понимали, на протяжении этих лет, я втайне кормил змею собаками. Покупал по объявлениям, забирал из приютов… У твари выработался четкий рефлекс. И в ту среду голод погнал её наружу, а потом… Ребята, вы явно родились в рубашке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.